

Кл $\frac{10}{252}$

809-13
180

ЗВЕНЬЯ

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

1890 — 1912

МОСКВА

К-во „СКОРПИОНЪ“

1913

ЗВЕНЮЯ

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

27638-60

2011137367

...Ибо искусство благого слова—мой отець...
Асвагоша

...Быть съ Солнцемъ заодно...
Аполлоній Тианскій

Истинное поэтическое творчество есть приоткрытая дверь въ горницу души.

Совершеннѣйшій ликъ поэзіи есть лирика, — тѣсноотвѣстество сердца и ясновидѣнье души.

Тотъ, для кого поэзія есть полноценное переживаніе живой жизни, горькіе мновеній, и слораніе ихъ сполна, даетъ намъ всю свѣжесть апрѣльскихъ стеблей, пробившихъ черную глыбу земли, въ зыбкія тайны драгоцѣнныхъ камней, взволнованно выявляетъ клады дремотнаго сознанія, даетъ заглянуть въ Запредѣльное, добрасываетъ выкованное имъ въ подземныхъ кузницахъ звено до той алмазной цѣпи, которая соединяетъ наши жизни съ Вселенной, и свѣтлая тѣнь которой явственно проступаетъ иногда въ дѣтской улыбкѣ и радужь паутинокъ, въ виноватомъ взлядѣ чловѣка, отлающего намъ добро, и въ безвинномъ взлядѣ преступника, въ маломъ цветочкѣ, растущемъ среди снѣговъ, въ росинкахъ слезъ и въ дрожаніи Сиріуса.

Кому же и знать всѣ тайны, какъ не тому, кто зажжетъ свое сердце и глядитъ на лучи лампы, въ тѣ часы, когда другіе спятъ.

Письмотвчество сердца ведетъ къ ясновидѣнію души, внутрезоркость души сбрасываетъ съ сердца всѣ прахи, сопровождающее достиженіе. Пооще е сердце есть свирель первороднаго сына Земли, у котораго въ зрачкахъ еще дрожитъ дискъ Луны и золотой обручъ Солнца. Внутрезоркое око души есть звезда ведущая. Вознесенная вихрями чувства душа есть вѣсть, и есть вѣстникъ Оттуда.

Когда древній герой положилъ свою руку на огонь и смотрѣлъ неотступно передъ собой, онъ видѣлъ то, чего не видѣли неиспытавшіе этого страшнаго прикосновенія. Такъ же и тотъ, чья жизнь есть творчество, и чье творчество есть сполна переживаемая жизнь, чье творчество есть предельная степень выражаемаго чувства, — лирика, знаменіе которой въ міръ Природы есть живой огонь Земли, пламя вулкана, и живой огонь Неба, разрывающая молнія.

Сколько бы ни было различій въ поэтическихъ состояніяхъ самобытнаго письмотвца, и какъ бы ни выражались они въ разныхъ воплощеніяхъ, надъ текущею музыкой ея состояній рветъ Геній объединенія, связующая сила гармоніи. Такъ на ночномъ Небѣ одна есть дорога птицъ — Млечный путь, праяціи всѣми звездами.

Пріоткрывши дверь, мы входимъ въ одну горницу. Пріоткрывши другую, мы входимъ въ другую. Изъ горницы въ горницу идетъ пересытъ. Черезъ весь теремъ. Отъ самоцвѣта къ самоцвѣту. Отъ стиха къ стиху. Отъ звена до звена. Отъ одной тайновости къ другой. Звеня свѣтовъ — очамъ. Волны пѣнія — каждому слуху. Отъ одной внутрезоркой души до любой подходящей души. Въ свѣтъ благословляющая Солнца — наивысшее слово — Любовь.

К. Бальмонтъ.

Москва. 1913. Июль 31.

ИЗЪ КНИГИ
„СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ“

ЯРОСЛАВЛЬ
1890

СТРУЯ.

Наклонись надъ колодець,—увидишь ты тамъ
Словно грязная яма чернѣется,
Пахнетъ гнилью и плѣсень растетъ по краямъ,
И прозрачной струи не виднѣется.

Но внизу, въ глубинѣ, среди гнили и тьмы,
Тамъ гдѣ пропасть чернѣется мгlistая,
Какъ въ суровыхъ объятыхъ угрюмой тюрмы.
Робко бѣется струя серебристая.

ИЗЪ КНИГИ

„ПОДЪ СѢВЕРНЫМЪ НЕБОМЪ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1894

ФАНТАЗИЯ.

Какъ живья изваянья, въ искрахъ луннаго сянья,
 Чуть трепещуть очертанья сосенъ, елей и березъ,
 Въщій лѣсъ спокойно дремлетъ, яркій блескъ луны пріемлетъ,
 И роптанью вѣтра внемлетъ, весь исполненъ тайныхъ грезъ.

Слыша тихій стонъ мятели, шепчуть сосны, шепчуть ели,
 Въ мягкой бархатной постели имъ отрадно почивать,
 Ни о чемъ не вспоминая, ничего не проклиная,
 Вѣтви стройныя склоняя, звукамъ полночи внимать.

Чьи-то звуки, чье-то пѣнье, чье-то скорбное моленье,
 И тоска и упоенье,—точно искрится звѣзда,
 Точно свѣтлый дождь струится,—и деревьямъ что-то мнится,
 То, что людямъ не приснится, никому и никогда.

Это мчатся духи ночи, это искрятся ихъ очи,
 Въ часъ глубокой полуночи мчатся духи черезъ лѣсъ.
 Что ихъ мучить, что тревожить? Что какъ червь ихъ тайно
гложетъ?

Отчего ихъ рой не можетъ пѣть отрадный гимнь небесъ?

Все сильнѣи звучить ихъ пѣнье, все слышнѣе въ немъ
томленье,

Неустаннаго стремленья неизмѣнная печаль,—

Точно ихъ томить тревога, жажда вѣры, жажда Бога,
 Точно мукъ у нихъ такъ много, точно имъ чего то жаль.

А луна все льетъ сіянье, и безъ муки, безъ страданья,
 Чуть трепещуть очертанья вѣщихъ сказочныхъ стволонъ,
 Всѣ они такъ сладко дремлютъ, безучастно стонамъ внем-
 лютъ,
 И съ спокойствіемъ пріемлютъ чары ясныхъ свѣтлыхъ сновъ.

ЗАЧѢМЪ? ♪

Господь, Господь, внемли, я плачу, я тоскую,
 Тебѣ молюсь въ вечерней мглѣ.
 Зачѣмъ Ты даровалъ мнѣ душу неземную—
 И приковалъ меня къ землѣ?

Я говорю съ Тобой сквозь тьму тысячелѣтій,
 Я говорю Тебѣ, Творецъ,
 Что мы обмануты, мы плачемъ, точно дѣти,
 И ищемъ: Гдѣ же Нашъ Отецъ?

Когда-бъ хоть мигъ одинъ звучалъ Твой голосъ внятно,
 Я былъ бы радъ сіянью дня,
 Но жизнь, любовь, и смерть—все страшно, непонятно,
 Все неизбежно для меня.

Великъ Ты, Господи, но мѣръ Твой непривѣтенъ,
 Какъ все великое, онъ нѣмъ,
 И тысячи вѣковъ напрасенъ, безотвѣтенъ
 Мой скорбный крикъ: „Зачѣмъ? Зачѣмъ?“

ЧАЙКА.

Чайка, сѣрая чайка съ печальными криками носится
 Надъ холодной пучиной морской.
 И откуда примчалась? Зачѣмъ? Почему ея жалобы
 Такъ полны безграничной тоской?

Безконечная даль. Непривѣтное небо нахмурилось.
 Закурчавилась пѣна сѣдая на гребнѣ волны.
 Плачетъ сѣверный вѣтеръ, и чайка рыдаетъ, безумная,
 Безпріютная чайка изъ дальней страны.

БЕЗЪ УЛЫБКИ, БЕЗЪ СЛОВЪ.

На алмазномъ покровѣ снѣговъ,
 Подъ холоднымъ сияньемъ луны,
 Хорошо намъ съ тобой! Безъ улыбки, безъ словъ,
 Обитатели призрачной свѣтлой страны,
 Погрузились мы въ море загадочныхъ сновъ,
 Въ царствѣ блѣдной луны.

Какъ отраднo въ глубокой полуночный часъ
 На мгновенье всѣ скорби по дѣтски забыть,
 И забывъ, что любовь невозможна для насъ,
 Какъ отраднo мечтать и любить,
 Безъ улыбки, безъ словъ,
 Средь ночной тишины,
 Въ царствѣ чистыхъ снѣговъ,
 Въ царствѣ блѣдной луны.

ДВА ГОЛОСА

Скользят стрижи въ лазури неба чистой.
 —Въ лазури неба чистой горитъ закатъ.—
 Въ вечерній часъ какъ нѣженъ лугъ росистый!
 —Какъ нѣженъ лугъ росистый, и прудъ, и садъ!—

Вечерній часъ—предчувствіе полночи.
 —Въ предчувствіи полночи душа дрожить.—
 Предъ красотой минутной плачутъ очи.
 —Какъ горько плачутъ очи! Какъ мигъ бѣжить!—

СМЕРТЬ, УБАЮКАЙ МЕНЯ.

Жизнь утомила меня,
 Смерть, наклонись надо мной!
 Въ небѣ—предчувствіе дня,
 Сумракъ блѣднѣетъ ночной...
 Смерть, убаюкай меня!

Ранней душистой весной,
 Въ утренней дѣвственной мглѣ,
 Дубъ залепечетъ съ сосной,
 Грустно поникнетъ къ землѣ
 Ласковый ландышъ лѣсной.

Вѣстникъ безсмертнаго дня,
 Гдѣ-то зашепчетъ родникъ,
 Гдѣ-то проснется, звеня...
 Въ этотъ таинственный мигъ,
 Смерть, убаюкай меня!

СЪДЪРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ
ОБЩАЯ ЧАСТЬ
ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ
ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ
ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ
ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ

ИЗЪ КНИГИ

„ВЪ БЕЗБРЕЖНОСТИ“

МОСКВА
1895

УХОДЯЩІЯ ТѢНИ.

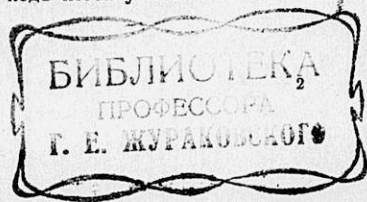
Я мечтою ловилъ уходящія тѣни,
Уходящія тѣни погасавшаго дня,
Я на башню всходилъ, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.

И чѣмъ выше я шель, тѣмъ яснѣй рисовались,
Тѣмъ яснѣй рисовались очертанья вдали,
И какіе-то звуки вокругъ раздавались,
Вкругъ меня раздавались отъ небесъ и земли.

Чѣмъ я выше всходилъ, тѣмъ свѣтлѣе сверкали,
Тѣмъ свѣтлѣе сверкали выси дремлющихъ горъ,
И сіяньемъ прощальнымъ какъ будто ласкали,
Словно нѣжно ласкали отуманенный взоръ.

И внизу подо мною ужъ ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей земли,
Для меня же блистало дневное свѣтило,
Огневое свѣтило догорало вдали.

Я узналъ, какъ ловить уходящія тѣни,
Уходящія тѣни потускнѣвшаго дня,
И все выше я шель, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.

ВСЕ МНѢ ГРЕЗИТСЯ.

Все мнѣ грезится море да небо глубокое,
 Безконечная грусть, безграничная даль,
 Трепетаніе звѣздъ, ихъ мерцанье стоокое,
 Догорающихъ тучекъ нѣмая печаль.

Все мнѣ чудится вздохъ камыша почернѣлаго,
 Глушь родимыхъ лѣсовъ, заповѣдный затонъ,
 И надъ озеромъ пѣніе лебеда бѣлаго,
 Точно сердца несмѣлаго жалобный стонъ.

КОВЫЛЬ.

Точно призракъ умирающій,
 На степи ковыль качается,
 Смотритъ мѣсяць догорающій,
 Бѣлой тучкой омрачается.

И блуждаютъ тѣни смутныя
 По пространству неоглядному,
 И непрочныя, минутныя,
 Что-то шепчутъ вѣтру жадному.

И мерцаніе мелькнувшее
 Исчезаетъ за туманами,
 Утонувшее минувшее
 Возникаетъ надъ курганами.

Мѣсяць мѣркнетъ, омрачается,
 Догорающій и тающій,
 И, дрожа, ковыль качается,
 Точно призракъ умирающій.

КАМЫШИ.

Полночной порою, въ болотной глуши,
Чуть слышно, безшумно, шуршать камыши.

О чемъ они шепчуть? О чемъ говорятъ?
Зачѣмъ огоньки между ними горять?

Мелькають, мигаютъ,—и снова ихъ нѣтъ.
И снова забрезжилъ блуждающій свѣтъ.

Полночной порой камыши шелестятъ.
Въ нихъ жабы гнѣздятся, въ нихъ змѣи свистятъ.

Въ болотѣ дрожить умирающій ликъ.
То мѣсяцъ багровый печально поникъ.

И тиной запахло. И сырость ползеть.
Трясина заманить, сожметъ, засосетъ.

„Кого? Для чего?“ Камыши говорятъ.
„Зачѣмъ огоньки между нами горять?“

Но мѣсяцъ печальный безмолвно поникъ.
Не знаетъ. Склоняетъ все ниже свой ликъ.

И вздохъ повторяя погибшей души,
Тоскливо, безшумно, шуршать камыши.

ПОДВОДНЫЯ РАСТЕНІЯ.

СОНЕТЪ.

На днѣ морскомъ подводныя растенья
Распространяють блѣдныя листы,
И тянутся, растутъ, какъ привидѣнья,
Въ безмолвіи угрюмой темноты.

Ихъ тяготитъ покой уединенья,
Ихъ манитъ міръ безвѣстной высоты,
Имъ хочется любви, лучей, волненья,
Имъ снятся ароматныя цвѣты.

Но нѣтъ пути въ страну борьбы и свѣта,
Молчитъ кругомъ холодная вода.
Акулы проплываютъ иногда.

Ни проблеска, ни звука, ни привѣта.
И сверху посылаетъ зыбь морей
Лишь трупы и обломки кораблей.

СЛОВА ЛЮБВИ.

Слова любви всегда безсвязны,
 Они дрожатъ, они алмазы,
 Какъ въ часъ предутренній звѣзда,—
 Они журчатъ, какъ ключъ въ пустынь,
 Съ начала міра и донинѣ,
 И будутъ первыми всегда,—
 Всегда дробясь, повсюду цѣльны,
 Какъ свѣтъ, какъ воздухъ, безпредѣльны,
 Легки, какъ всплески въ тростникахъ,—
 Какъ взмахи птицы опьяненной,
 Съ другою птицею сплетенной
 Въ летучемъ бѣгѣ, въ облакахъ.

НЕПОПРАВИМОЕ.

Прекрасенъ полуночный часъ для любовныхъ свиданій,
 Ужасенъ полуночный часъ для бездомныхъ тѣней.
 Какъ сладко блаженство объятій и страстныхъ рыданій,
 И какъ безутѣшна печаль о возможномъ несбывшихся дней!
 Прекрасенъ полуночный часъ для любовныхъ свиданій.

Земля не устанетъ любить, и любить безъ конца.
 Промчатся столѣтья и будутъ мгновеньемъ казаться,
 И горькія слезы польются, польются съ лица,
 И тотъ не устанетъ рыдать, кто любви былъ безсиленъ
 отдаться,
 А міръ будетъ вѣчно любить, и любить безъ конца.

Франческа, Паоло, воздушныя нѣжныя тѣни,
 Вы свято любили, и свѣтите вамъ нѣжность въ Аду.
 Но горе тому, кто замедлил на первой ступени,
 Кто ввѣрится снамъ не посмѣлъ и всю жизнь протомился
 въ бреду.
 Франческа, Паоло, въ несчастьи счастливыя тѣни!

ЗА ПРЕДѢЛЫ ПРЕДѢЛЬНАГО.

За предѣлы предѣльнаго,
Къ безднамъ свѣтлой безбрежности!

Въ ненасытной мятежности,
Въ жаждѣ счастья цѣльнаго,

Мы, воздушные, летимъ,
И помедлить не хотимъ.

И едва качаемъ крыльями.

Все захватимъ, все возьмемъ,
Жаднымъ чувствомъ обоймемъ!

Дерзкими усилиями
Устремляясь къ высотъ,

Дальше, прочь отъ грани тѣсной.
Мы домчимся въ мѣръ чудесный,
Къ неизвѣстной
Красотѣ!

ИЗЪ КНИГИ

„ТИШИНА“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1898

ТИШИНА.

Чуть блѣднѣютъ янтари
Нѣжно-палевой зари.
Всюду ласковая тишь,
Спятъ купавы, спить камышъ.

Задремавшая рѣка
Отражаетъ облака,
Тихій, блѣдный свѣтъ небесъ,
Тихій, темный, сонный лѣсъ.

Въ этомъ царствѣ тишины
Вѣютъ сладостные сны,
Дышетъ ночь, смѣняя день,
Медлитъ гаснущая тѣнь.

Въ эти воды съ вышины
Смотритъ блѣдный серпъ Луны.
Звѣзды тихій свѣтъ струять,
Очи ангеловъ глядятъ.

МНѢ СТРАННО ВИДѢТЬ.

МнѢ странно видѢть лицо людское,
 Я вижу взоры существъ иныхъ,
 Со мною вѣтеръ и все морское,
 Все то, что чуждо для думъ земныхъ. ✓

Со мною тѣни, за мною тѣни,
 Я слышу сказку морскихъ глубинъ,
 Я царь надъ царствомъ живыхъ видѣній,
 Всегда свободный, всегда одинъ.

Я слышу бурю, удары грома,
 Пожары молній горятъ вдали,
 Я вижу островъ, гдѣ все знакомо,
 Гдѣ я владыка моей земли.

Въ душѣ холодной мечты безмолвны,
 Я слышу сердцемъ полетъ времени,
 Со мною волны, за мною волны,
 Я вижу вѣчный—все тотъ же—сонъ.

ЦВѢТЫ НАРЦИССА.

Точно изъ легкаго камня изсѣчены,
 Въ воду глядятъ лепестки бѣлоснѣжныя.
 Собственнымъ образомъ пристально встрѣчены.
 Въ глубь заглянули цвѣты безмятежныя.

Мягкое млѣть на нихъ трепетаніе,
 Двойственно-блѣдны, растутъ очертанія.
 Въ глубь заглянули нѣмые цвѣты,—
 Поняли, поняли свѣтъ Красоты!

Сердце, багряной чертой окаймленное,
 Тайно хранить золотыя признанія.
 Только въ себя невозвратно-влюбленное,
 Стынетъ, блѣднѣть въ мечтахъ безъ названія. ✓

Съ чистою грезой цвѣтокъ обручается,
 Грезу любя, онъ со смертью вѣнчается.
 Мигъ,—и отъ счастья гаснутъ цвѣты,
 Какъ они поняли свѣтъ Красоты!

Я ВОЛЬНЫЙ ВѢТЕРЬ.

Я вольный вѣтеръ, я вѣчно вѣю,
 Волную волны, ласкаю ивы,
 Въ вѣтвяхъ вздыхаю, вздохнувъ, нѣмѣю,
 Лелѣю травы, лелѣю нивы.

Весною свѣтлой, какъ вѣстникъ мая,
 Цѣлую ландышъ, въ мечту влюбленный,
 И внемлетъ вѣтру лазурь нѣмая,—
 Я вѣю, млѣю, воздушный, сонный.

Въ любви невѣрный, расту циклономъ,
 Взметаю тучи, взрываю Море,
 Промчусь въ равнинахъ протяжнымъ стономъ,
 И громъ проснется въ нѣмомъ просторѣ.

Но снова легкій, всегда счастливый,
 Нѣжный, чѣмъ фея ласкаетъ фею,
 Я льну къ деревьямъ, дышу надъ нивой,
 И, вѣчно вольный, забвеньемъ вѣю.

ДО ПОСЛѢДНЯГО ДНЯ.

Быть можетъ, когда ты уйдешь отъ меня,
 Ты будешь ко мнѣ холоднѣй.
 Но цѣлую жизнь, до послѣдняго дня,
 О, другъ мой, ты будешь моей.

Я знаю, что новыя страсти придуть,
 Съ другимъ ты забудешься вновь.
 Но въ памяти прежніе образы ждуть,
 И старая тлѣетъ любовь.

И будетъ мучительно-сладостный мигъ:—
 Въ лучахъ отлетѣвшаго дня,
 Съ другимъ заглянувши въ безсмертный родникъ,
 Ты вздрогнешь,—и вспомнишь меня.

КОМУ Я МОЛЮСЬ? ~

Кому я молюсь? Холодному вѣтру.
 Кому я молюсь? Равнинѣ морской.
 Я братъ не людямъ, а бурѣ и вѣтру,
 Я братъ холодной равнинѣ морской.

Куда иду я? Къ горнымъ вершинамъ.
 Куда иду я? Къ пустынямъ глухимъ.
 Я братъ холодному горному вѣтру,
 Живу одиноко и растаю какъ дымъ.

Чего хочу я? Тѣни послѣдней.
 Чего хочу я? Смерти одной.
 Я духъ безстрастный, духъ безпріютный,
 Хочу я дремоты, дремоты ночной.

МЕРТВЫЕ КОРАБЛИ.

1.

Между льдовъ затерты, спятъ въ тиши морей
 Остовы нѣмые мертвыхъ кораблей.
 Вѣтеръ быстролетный, тронувъ паруса,
 Прочь спѣшитъ въ испугѣ, мчится въ небеса.
 Мчится—и не смѣетъ бить дыханьемъ твердь,
 Всюду видя только—блѣдность, холодъ, смерть.
 Точно саркофаги, глыбистые льды
 Длинною толпою встали изъ воды.
 Бѣлый снѣгъ ложится, вьется надъ волной,
 Воздухъ заполняя мертвой бѣлизной.
 Вьются хлопья, вьются, точно стаи птицъ,
 Царству бѣлой смерти нѣтъ нигдѣ границъ.
 Что-жь вы здѣсь искали, выброски зыбей,
 Остовы нѣмые мертвыхъ кораблей?

2.

„На полюсь! На полюсь! Бѣжимъ, поспѣшимъ,
 И новыя тайны откроемъ!
 Тамъ вѣрно есть островъ—красивъ, недвижимъ,
 Окованъ плѣнительнымъ зноємъ!“

„Намъ скучны предѣлы родимыхъ полей,
Извѣданныхъ думъ и желаній.
Мы жаждемъ качанья нѣмыхъ кораблей,
Мы жаждемъ далекихъ скитаній.

„Въ безвѣстномъ—улада тревожной души,
Въ туманностяхъ манять зарницы.
И сердцу рокочутъ приливы: „Спѣши!“
И дразнить свободныя птицы.

„Намъ вѣтеръ свободный шепнулъ въ полуснѣ,
Что сбудутся наши надежды:
Для новаго Солнца, въ цвѣтушей странѣ,
Проснувшись, откроемъ мы вѣжды.

„Мы гордо раздвинемъ предѣлы земли,
Намъ свѣтитъ нашъ разумъ стоокій.
Плывите, плывите скорѣй, корабли,
Плывите на полюсь далекий!

3.

Солнце свершаетъ
Скучный свой путь.
Что-то мѣшаетъ
Сердцу вздохнуть.

Въ Морѣ приливы
Шумно растутъ.
Мирныя нивы
Гдѣ-то цвѣтуть.

Пѣнясь, про нѣгу
Шепчетъ вода.
Гдѣ-то къ ночлегу
Гоняетъ стада.

4.

Грусть утихаеъ:
Съ другомъ легко.
Кто-то вздыхаетъ—
Тамъ—далеко.

Счастливъ, кто мирной
Долей живетъ.
Кто-то въ обширной
Безднѣ плыветъ.

Нѣжная ива
Спитъ и молчитъ.
Гдѣ-то тоскливо
Чайка кричитъ.

5.

„Мы плыли—все дальше—мы плыли,
Мы плыли не день и не два.
Отъ влажной крутящейся пыли
Кружилась не разъ голова.

„Туманы клубились густые,
Вставал и гудѣлъ Океанъ,—
Какъ будто бы вѣдьмы сѣдя
Раскинули вражескій станъ.

„И туча бѣжала за тучей,
За валомъ мятежилъ валъ.
Встрѣчали мы островъ пловучій,
Но онъ отъ очей ускользалъ.

„И тамъ, гдѣ изъ воднаго плѣна
На мигъ возставали цвѣты,
Крутилась лишь бѣлая пѣна,
Сверкая среди темноты.

„И дерзко смѣялись зарницы,
Манившія міромъ чудесь.
Кружились зловѣщія птицы
Подъ склепомъ пустынныхъ небесъ.

„Буруны сокрыли со стономъ
Сверканье полярной звѣзды.
И вотъ ужъ съ пророческимъ звономъ
Идутъ, надвигаются льды.

„Такъ что-жь, и для насъ развернула
Свой свитокъ сѣдая печаль?
Такъ значитъ и насъ обманула
Богатая сказками даль?

„Мы отданы бѣлымъ пустынямъ,
Мы тризну свершаемъ на льдахъ,
Мы тонемъ, мы гаснемъ, мы стынемъ
Съ проклятемъ на блѣдныхъ устахъ!“

6.

Скрипя, бѣжить среди валовъ,
Гигантскій гробъ, скелетъ пловучій
Въ тѣлахъ обманутыхъ пловцовъ
Изсякъ свѣтильникъ жизни жгучей.

Огромный остовъ корабля
Въ пустынь Моря быстро мчится,
Какъ будто гдѣ-то есть земля,
Къ которой жадно онъ стремится.

За нимъ, скрипя, среди зыбей
Несутся бышено другіе,
И привидѣнья кораблей
Тревожатъ области морскія.

И шепчутъ волны межъ собой,
Что дальше ихъ пускать не надо,—
И встала бѣлою толпой
Снѣговъ и льдистыхъ глыбъ громада.

И пѣсни имъ надгробной нѣтъ,
Бездушень миръ пустыни сонной,
И только Солнца красный свѣтъ
Горитъ какъ факель похоронный.

7.

Да легкіе хлопья летаютъ,
И беззвучную сказку поютъ.
И бѣлые ткани сплетаютъ,
Созидаютъ для смерти пріютъ.

И шепчуть: „Мы—дѣти эфира,
„Мы—любимцы нѣмой тишины,
„Враги безпокойнаго міра,
„Мы—пушистые, чистые сны.

„Мы падаемъ въ синее Море,
„Мы по воздуху молча плывемъ,
И мчимся въ безбрежномъ просторѣ,
„И къ покою другъ друга зовемъ.

„И вѣчно мы, вѣчно летаемъ,
„И не нужно намъ шума земли,
„Мы вьемся, бѣжимъ, пропадаемъ,
„И летаемъ, и таемъ вдали...“

ИЗЪ КНИГИ

„ГОРЯЩІЯ ЗДАНІЯ“

МОСКВА
1900

АРОМАТЪ СОЛНЦА.

Запахъ Солнца? Что за вздоръ!
Нѣтъ, не вздоръ.
Въ Солницѣ звуки и мечты,
Ароматы и цвѣты,
Всѣ слились въ согласный хоръ,
Всѣ сплелись въ одинъ узоръ,

Солнце пахнетъ травами,
Свѣжими купавами,
Пробужденною весной,
И смолистою сосной.

Нѣжно свѣтлоткаными,
Ландышами пьяными,
Что побѣдно расцвѣли
Въ остромъ запахѣ земли.

Солнце свѣтитъ звонами,
Листьями зелеными,
Дышетъ вешнимъ пѣньемъ птицъ,
Дышетъ смѣхомъ юныхъ лицъ.

Такъ и молви всѣмъ слѣпцамъ:—
 Будеть вамъ!
 Не узрѣтъ вамъ райскихъ вратъ.
 Есть у Солнца аромать,
 Сладко внятнй только намъ,
 Зримый птицамъ и цвѣтамъ.

КАКЪ ИСПАНЕЦЪ.

Какъ Испанецъ, ослѣпленный вѣрой въ Бога и любовью,
 И своею опьяненной и чужою красной кровью,
 Я хочу быть первымъ въ мѣрѣ, на землѣ и на водѣ,
 Я хочу цвѣтовъ багряныхъ, мною созданныхъ вездѣ.

Я, родившійся въ ущельи, подѣ Сіэрою-Невадой,
 Гдѣ лишь коршуны кричали за утесистой громадой,
 Я хочу, чтобъ мнѣ открылись первобытные лѣса,
 Чтобы заревомъ надѣ Перу засвѣтились небеса.

Мѣди, золота, бальзама, брилліантовъ и рубиновъ,
 Крови, брызнувшей изъ груди побѣжденныхъ властелиновъ,
 Яркихъ зарослей коралла, протянувшихся къ лучу,
 Мною отысканныхъ предѣловъ жаркимъ сердцемъ я хочу.

И стремясь отъ счастья къ счастью, я пройду по океанамъ,
 И въ пустыняхъ раскаленныхъ я исчезну за туманомъ,
 Чтобы съ жадной быстротою аравійскаго коня
 Всюду мчаться за врагами подѣ багряной вспышкой дня.

И быть-можетъ, черезъ годы, сосчитаю свои владѣнья,
 Я ихъ самъ же разбросаю, разгону, какъ привидѣнья,
 Но и въ часъ передремотный, между скалъ родимыхъ
 вновь,
 Я увижу Солнце, Солнце, Солнце, красное, какъ кровь.

ДАЛЕКІЙ СЛѢДЪ.

Я люблю далекій слѣдъ—отъ весла,
 Мнѣ отрадно подойти—вплоть до зла,
 И его не совершивъ—посмотрѣть,
 Какъ костеръ, вдали, за мной—будетъ тлѣть.

Если я въ мечтѣ поджегъ—города,
 Пламя зарева со мной—навсегда.
 О, мой братъ! Поэтъ и царь—сжегши Римъ!
 Мы сжигаемъ, какъ и ты—и горимъ.

ВЪ ГЛУХІЕ ДНИ.

ПРЕДАНИЕ.

Въ глухіе дни Бориса Годунова,
 Во мглѣ Россійской пасмурной страны,
 Толпы людей скитались безъ крова,
 И по ночамъ всходило двѣ луны.

Два солнца по утрамъ свѣтило съ неба,
 Съ свирѣпостью на дольний міръ смотря.
 И вопль протяжный: „Хлѣба! Хлѣба! Хлѣба!“
 Изъ тьмы лѣсовъ стремился до царя.

На улицахъ изсохшіе скелеты
 Щипали жадно чахлую траву,
 Какъ скоть, — озвѣрены и не одѣты,
 И сны осуществлялись наяву.

Гроба, отяжелѣвшіе отъ гнили,
 Живымъ давали адскій, смрадный хлѣбъ,
 Во рту у мертвыхъ сѣно находили,
 И каждый домъ былъ сумрачный вертепъ.

Отъ бурь и вихрей башни низвергались,
 И небеса, таясь межъ тучъ тройныхъ,
 Внезапно краснымъ свѣтомъ озарялись,
 Являя битву воинствъ неземныхъ.

Невиданныя птицы прилетали,
 Орлы парили съ крикомъ надъ Москвой,
 На перекресткахъ молча, старцы ждали,
 Качая посьдѣвшею головой.

Среди людей блуждали смерть и злоба,
 Узрѣвъ комету, дрогнула земля.
 И въ эти дни Димитрій всталъ изъ гроба,
 Въ Отрепьева свой духъ переселя.

ПОДЪ ЯРМОМЪ.

Какъ подъ ярмомъ быки влекуть тяжелый возъ,
 И оставляютъ слѣдъ продольностью колесъ,
 Такъ наши помыслы, намѣренья, дѣянья
 За нами тянутся, готова горечь слезъ,
 И боль, и ужасы, и пламя покаянья,—
 Они накопятся, и, рухнувъ, какъ утесъ,
 Глухими гулами ворвутся къ намъ въ сознанье,
 Какъ крикъ раскаянья, какъ вопль воспоминанья.

И ПЛЫЛИ ОНИ.

И плыли они безъ конца, безъ конца,
 Во мракъ, но съ жаждою свѣта.
 И ужась внезапный объялъ ихъ сердца,
 Когда дождался отвѣта.

Огонь появился предъ взорами ихъ,
 Въ обрывъ лазури туманной.
 И былъ онъ прекрасенъ, и ровенъ, и тихъ,
 Но ужась объялъ ихъ неожиданный.

Какъ тѣни слѣпья, закрывши глаза,
 Сидѣли они засыпая.
 Хоть спали—не спали, имъ снилась гроза,
 Глухая гроза и слѣпая.

Закрытыя вѣки дрожали едва,
 Но свѣтъ имъ былъ виденъ сквозь вѣки.
 И вѣчность раздвинулась, грозно-мертва:—
 Все рѣки. безмолвныя рѣки.

На лонѣ растущихъ чернѣющихъ водъ
 Зажегся пожаръ беспредѣльный.
 И спящіе призраки плыли впередъ,
 Дорогой прямой и безцѣльной.

И каждый, какъ дремлющій духъ мертвеца,
 Качался въ сверкающемъ дымѣ.
 И плыли они безъ конца, безъ конца,
 И путь свой свершили—слѣпыми.

УРОДЫ.

сонетъ.

Я горько васъ люблю, о, бѣдные уроды,
 Слѣпорожденные, хромые, горбуны,
 Убогіе рабы, не знавшіе свободы,
 Ладьи, разбитыя веселостью волн.

И вы мнѣ дороги, мучительные сны
 Жестокой матери, безжалостной Природы,
 Кривые кактусы, побѣги бѣлены,
 И змѣи и ящерицъ отверженные роды.

Чума, проказа, тьма, убійство, и бѣда,
 Гоморра и Содомъ, слѣпые города,
 Надежды хищныя съ раскрытыми губами,—

О, есть же и для васъ въ молитвѣ череда!
 Во имя Господа, блаженнаго всегда,
 Благословляю васъ, да будетъ счастье съ вами!

ВЪ ДУШАХЪ ЕСТЬ ВСЕ.

Въ душахъ есть все, что есть въ Небѣ, и много иного.
 Въ этой душѣ создано первозданное слово!
 Гдѣ, какъ не въ ней,
 Замыслы встали безмѣрною тучей,
 Нѣжность возникла услугою пѣвучей,
 Совѣсть, свѣтильникъ опасный и жгучій,—
 Вспышки и блески различныхъ огней,
 Гдѣ, какъ не въ ней,
 Бури проносятся мысли могучей!
 Небо не тамъ,
 Въ этихъ кошмарныхъ глубинахъ пространства,
 Гдѣ создаю я и снова создамъ
 Звѣзды, одѣтыя блескомъ убранства,
 Вѣчно идущихъ по тѣмъ же путямъ,—
 Пламенный знакъ моего постоянства.
 Небо—въ душевной моей глубинѣ,
 Тамъ, далеко, еле зримо, на днѣ.
 Дивно и жутко—уйти въ запредѣльность,
 Страшно мнѣ въ пропасть души заглянуть,
 Страшно—въ своей глубинѣ утонуть.
 Все въ ней слилось въ безконечную цѣльность,
 Только душѣ я молитвы пою,
 Только одну я люблю безпредѣльность,
 Душу мою!

ЗАКАТНЫЕ ЦВѢТЫ.

О, краски закатныя! О, лучи невозвратны!
 Повисли гирляндами облака просвѣтленныя.
 Равнины туманятся, и лѣса необъятныя,
 Какъ будто нежившіе, навсегда утомленные.

И розы небесныя, облака безтѣлесныя,
 На долы печальныя, на селенія бѣдныя,
 Глядятъ съ состраданіемъ, на безвѣстныхъ—безвѣстныя,
 Поникшія, скорбныя, безотвѣтныя, бѣдныя.

МАІЯ.

Тигры стонали въ глубокихъ долинахъ.
 Чампакъ, цвѣтушій въ столѣтіе разъ,
 Пряный, дышалъ между горъ на вершинахъ.
 Мѣсяцъ за скалы проплылъ—и погасъ.

Въ темной пещерѣ, задумчивый іогі,
 Магъ-заклинатель, блѣднѣй мертвеца,
 Что-то шепталъ, и властительно-строги
 Были черты сверхземного лица.

Мантру читалъ онъ, святое моленье,
 Только прочелъ—и предъ нимъ, какъ во снѣ,
 Стали качаться, носиться видѣнья,
 Стали кружиться въ ночной тишинѣ.

Тѣни, и люди, и боги, и звѣри,
 Время, пространство, причина и цѣль,
 Пышность восторга, и сумракъ потери,
 Смерть на мгновенье, и вновь колыбель.

Ткань безъ предѣла, картина безъ рамы,
 Сонмы враждебныхъ безчисленныхъ „я“,
 Мракъ отпаденья отъ вѣчнаго Брамъ,
 Ужасъ мучительный, сонъ бытія.

Къ самому небу возносятся горы,
 Рушится съ шумомъ утесъ на утесъ,
 Топотъ и ропотъ, молебны и укору,
 Тысячи быстрыхъ и звонкихъ колесъ.

Бѣшено мчатся и люди и боги...

„Майя! О, Майя! Лучистый обманъ!

„Жизнь—для незнающихъ, призракъ—для юги,

„Майя—бездушный нѣмой океанъ!“

Скрылись видѣнья. На горныхъ вершинахъ
 Вѣтеръ въ узорахъ вѣтвей трепеталъ.
 Тигры стонали въ глубокихъ долинахъ.
 Чампакъ, цвѣтокъ вѣковой, отцвѣталъ.

КАКЪ КРАСНЫЙ ЦВѢТЬ НЕБЕСЪ.

Какъ красный цвѣтъ небесъ, которыя не красны.
 Какъ разногласье волнъ, что межъ собой согласны,
 Какъ сны возникшіе въ прозрачномъ свѣтѣ дня,
 Какъ тѣни дымныя вокругъ яркаго огня,
 Какъ отсвѣтъ раковинъ, въ которыхъ жемчугъ дышитъ,
 Какъ звукъ, что въ слухъ идетъ, но самъ себя не слышитъ,
 Какъ на поверхности потока бѣлизна,
 Какъ лотосъ въ воздухѣ, растущій ото дна,
 Такъ жизнь съ восторгами и съ блескомъ заблужденья
 Есть сновидѣніе иного сновидѣнья.

ПРОСВѢТЛЕННЫЙ.

Я—просвѣтленный, я кажусь собой,
 Но я не то,—я островъ голубой:—
 Вблизи—зеленый, полный мглы и бури,
 Онъ издали являеть цвѣтъ лазури.

Я—вольный сонъ, я всюду и нигдѣ:—
 Вода блеститъ, но развѣ лучъ въ водѣ?
 Нѣтъ, здѣсь свѣтъ, я гдѣ-то тамъ блистаю,
 И тамъ не жду, блесну и пропадаю.

Я вижу все, вездѣ встаетъ мой ликъ,
 Со всѣми я сливаюсь каждый мигъ.
 Но вѣтеръ какъ замкнуть въ предѣлахъ зданья?
 Я духъ, я магъ, я стражъ міросознанья.

АЛЬБАТРОСЪ.

Надъ пустыней ночью морей альбатросъ одинокій,
 Разрѣзая ударами крыльевъ соленый туманъ,
 Любовался, какъ царствомъ своимъ, этой бездной широкой,
 И, едва колыхаясь, качался подъ нимъ Океанъ.

И порой омрачаясь, далеко, на небѣ холодномъ,
 Одиноко плыла, одиноко горѣла Луна.
 О, блаженство быть сильнымъ и гордымъ и вѣчно
 свободнымъ!
 Одиночество! Миръ тебѣ! Море, покой, тишина!

КРИКЪ ЧАСОВОГО.

СОНЕТЪ.

Пройдя луга, лѣса, болота, горы,
Завоевавъ чужіе города,
Солдаты спять. Потухнувшіе взоры—
Въ предѣлахъ думъ. Снуеть ихъ череда.

Сады, пещеры, замки изо льда,
Забытыхъ словъ созвучные узоры,
Невинность чувствъ, погибшихъ навсегда,—
Солдаты спять, какъ нишіе, какъ воры.

Назавтра бой. Поспѣшенъ бѣгъ минуть.
Всѣ спять. Все спить. И пусть. Я—вѣрный—туть.
До завтра сномъ безопасно усладитесь.

Но чу! Во тѣмъ—чуть слышные шаги.
Ихъ тысячи. Все ближе. А! Враги!
Товарищи! Товарищи! Проснитесь!

ИЗЪ КНИГИ

„БУДЕМЪ КАКЪ СОЛНЦЕ“

МОСКВА
1903

* * *

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце,
И синій кругозоръ.
Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце,
И выси горъ.

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Море,
И пышный цвѣтъ долинъ.
Я заключилъ міры въ единомъ взорѣ,
Я властелинъ.

Я побѣдилъ холодное забвенье,
Создавъ мечту мою.
Я каждый мигъ исполненъ откровенья,
Всегда пою.

Мою мечту страданья пробудили,
Но я любимъ за то.
Кто равенъ мнѣ въ моей пѣвучей силѣ?
Никто, никто.

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце,
А если день погасъ,
Я буду пѣть... Я буду пѣть о Солницѣ
Въ предсмертный часъ!

* * *

Я—изысканность Русской медлительной рѣчи,
 Предо мною другіе поэты—предтечи,
 Я впервые открылъ въ этой рѣчи уклоны,
 Перепѣвные, гнѣвные, нѣжные звоны.

Я—внезапный изломъ,
 Я—играющій громъ,
 Я—прозрачный ручей,
 Я—для всѣхъ и ничей.

Переплескъ многопѣнный, разорванно-слитный,
 Самоцвѣтные камни земли самобытной,
 Переключки лѣсныя зеленаго Мая,
 Все пойму, все возьму, у другихъ отнимая.

Вѣчно-юный, какъ сонъ,
 Сильный тѣмъ, что влюбленъ
 И въ себя и въ другихъ,
 Я—изысканный стихъ.

ГАРМОНИЯ СЛОВЪ.

Почему въ языкѣ отошедшихъ людей
 Были громы пѣвучихъ страстей?
 И намеки на звонъ всѣхъ временъ и пировъ,
 И гармонія красочныхъ словъ?

Почему въ языкѣ современныхъ людей
 Стукъ ссыпаемыхъ въ яму костей?
 Подражательность словъ, точно эхо молвы,
 Точно ропотъ болотной травы?

Потому что когда, молода и горда,
 Между скалъ возникла вода,
 Не боялась она прорываться впередъ,
 Если станешь предъ ней, такъ убьешь.

И убьешь, и залъешь, и прозрачно бѣжить.
 Только волей своей дорожить.
 Такъ рождается звонъ для грядущихъ временъ,
 Для теперешнихъ блѣдныхъ племенъ.

ВЛІЯНІЕ ЛУНЫ.

Я шель безбрежными пустынями
И видѣль блѣдную Луну,
Она плыла морями синими,
И опускалася ко дну.

И не ко дну, а къ безъизмѣрности,
За кругозорностью земной,
Гдѣ нѣтъ измѣнъ и нѣтъ невѣрности,
Гдѣ все объято тишиной.

Тамъ нѣтъ вѣтровъ свирѣподышущихъ,
Тамъ нѣтъ ни друга, ни врага,
Тамъ нѣтъ морей, себя не слышущихъ
И звонко бьющихъ въ берега.

Тамъ все застывшее, безстрастное,
Хотя внушающее страсть,—
Затѣмъ, что это царство ясное
Свою намъ передало часть.

Въ насъ отъ него встають желанія,—
Какъ эхо, грянувшее вдругъ,
Встаеть изъ соннаго молчанія,
Когда ужь умеръ самый звукъ.

И бродимъ, бродимъ мы пустынями,
Средь лунатическаго сна,
Когда бездонностями синими
Надъ нами властвуетъ Луна.

Мы подчиняемся, склоняемся
Передъ царицей тишины
И въ сны свои свѣтло влюбляемся
По мановенію Луны.

ДОЖДЬ.

Въ углу шуршали мыши,
 Весь домъ застыль во снѣ.
 Шель дождь, и капли съ крыши
 Стекали по стѣнѣ.

Шель дождь, лѣнивый, вялый,
 И маятникъ стучаль,
 И я душой усталой
 Себя не различаль.

Я слился съ этой сонной
 Тяжелой тишиной.
 Забытый, обдѣленный,
 Я весь былъ тьмой ночной.

А бодрый, какъ могильщикъ,
 Во мнѣ тревожа мракъ,
 Въ стѣнѣ жучокъ-точильщикъ
 Твердилъ: „Тикъ-такъ. Тикъ-такъ“.

Равняя звуки точкамъ,
 Началу всѣхъ началъ,
 Онъ тонкимъ молоточкомъ
 Стучаль, стучаль, стучаль.

И атомы напѣва,
 Сплетаясь въ тишинѣ,
 Спокойно и безъ гнѣва
 „Умри“ твердили мнѣ.

И мертвый, бездыханный,
 Какъ трупъ задутыхъ свѣчъ,
 Я слушалъ въ скорби странной
 Вѣщательную рѣчь.

И тише кто-то, тише,
 Шептался обо мнѣ.
 И капли съ темной крыши
 Стекали по стѣнѣ.

ВЛАГА.

Съ лодки скользнуло весло.
Ласково млѣть прохлада.
„Милый! Мой милый!“—Свѣтло,
Сладко отъ бѣглаго взгляда.

Лебедь уплылъ въ полумглу,
Вдаль, подъ Луною бѣлѣя.
Ластятся волны къ веслу,
Ластится къ влагѣ лилея.

Слухомъ невольно ловлю
Лепетъ зеркальнаго лона.
„Милый! Мой милый! Люблю!“—
Полночь глядитъ съ небосклона.

ВЪ МОЕМЪ САДУ.

Въ моемъ саду мерцаютъ розы бѣлыя,
Мерцаютъ розы бѣлыя и красныя,
Въ моей душѣ дрожать мечты несмѣлыя,
Стыдливыя, но страстныя.

Тебя я видѣлъ только разъ, любимая,
Но только разъ мечта съ мечтой встрѣчается,
Въ моей душѣ любовь непобѣдимая
Горитъ и не кончается.

Лицо твое я вижу поблѣднѣвшее,
Волну волосъ, какъ пряди сновъ согласныя,
Въ глазахъ твоихъ признанье потемнѣвшее,
И губы, губы красныя.

Съ тобой позналъ я только разъ, любимая,
То яркое, что счастьемъ называется,
О, тѣнь моя, безплотная, но зримая,
Любовь не забывается.

Моя любовь—пьяна, какъ гроздья спѣлыя,
Въ моей душѣ—звучатъ призывы страстныя,
Въ моемъ саду—сверкаютъ розы бѣлыя
И ярко, ярко-красныя.

ХОЧУ.

Хочу быть дерзкимъ, хочу быть смѣлымъ,
Изъ сочныхъ гроздій вѣнки свивать.
Хочу упиться роскошнымъ тѣломъ,
Хочу одежды съ тебя сорвать!

Хочу я зноя атласной груди,
Мы два желанья въ одно сольемъ.
Уйдите, боги! Уйдите, люди!
Мнѣ сладко съ нею побыть вдвоемъ!

Пусть будетъ завтра и мракъ и холодъ,
Сегодня сердце отдамъ лучу.
Я буду счастливъ! Я буду молодъ!
Я буду дерзокъ! Я такъ хочу!

* * *

Она отдалась безъ упрека,
Она цѣловала безъ словъ.
—Какъ темное море глубоко,
Какъ дышутъ края облаковъ!

Она не твердила: „Не надо“,
Обѣтовъ она не ждала.
—Какъ сладостно дышетъ прохлада.
Какъ таетъ вечерняя мгла!

Она не страшилась возмездья,
Она не боялась утратъ.
—Какъ сказочно свѣтять созвѣзды,
Какъ звѣзды безсмертно горятъ!

ЕЩЕ НЕОБХОДИМО.

Еще необходимо любить и убивать,
 Еще необходимо накладывать печать,
 Быть внѣшнимъ и жестокимъ, быть нѣжнымъ безъ конца,
 И всѣхъ манить волненьемъ красиваго лица.

Еще необходимо. Ты видишь, почему:—
 Мы всѣ стремимся къ Богу, мы тянемся къ Нему,
 Но Богъ всегда уходитъ, всегда къ Себѣ маня,
 И хочеть тьмы—за свѣтомъ, и послѣ ночи—дня.

Всегда разнообразныхъ, Онъ хочеть новыхъ сновъ
 Хотя бы безобразныхъ, мучительныхъ міровъ,
 Но только полныхъ жизни, бросающихъ свой крикъ,
 И гаснущихъ покорно, создавши новый мигъ.

И маятникъ всемірный, незримый для очей,
 Ведеть по лабиринту разсвѣтовъ и ночей.
 И сонмы звѣздъ несутся по страшному пути.
 И Богъ всегда уходитъ. И мы должны идти.

ГОЛОСЪ ЗАКАТА.

Я отошедшій день, какихъ немного было
 На памяти твоей, мечтающій мой братъ.
 Я предвечернее свѣтило,
 Побѣдно-огненный закатъ.

Всѣ краски, сколько ихъ сокрыто въ силѣ свѣта,
 Я въ мысль одну вложилъ, которая горитъ,
 Въ огонь рубиновый одѣта
 И въ нѣжно-дымный хризолитъ.

Многоразличныя созвучія сиянья
 По небу разбросавъ, я всѣ ихъ слилъ въ одно:—
 Въ восторгъ предсмертнаго сознанья,
 Что мнѣ блаженство суждено.

Такъ пышно я горю, такъ радостно-тревожно,
 Въ воздушныхъ облакахъ такъ пламенно сквозя,
 Что быть прекраснѣй—невозможно,
 И быть блаженнѣе—нельзя.

Гляди же на меня, о, духъ мечты печальной,
 Мечтатели земли, глядите на меня:—
 Я блескъ бездонности зеркальной
 Роскошно гаснущаго дня.

Любите ваши сны безмѣрною любовью,
 О, дайте вспыхнуть имъ, а не безсильно глѣть,
 Сознавъ, что теплою алой кровью
 Вамъ нужно ихъ запечатлѣть.

ГИМНЪ ОГНЮ.

1.

Огонь очистительный,
 Огонь роковой,
 Красивый, властительный,
 Блестящій, живой!

2.

Безшумный въ мерцаньи церковной свѣчи,
 Многошумный въ пожарѣ,
 Глухой для мольбы, многоликій,
 Многоцвѣтный при гибели зданій,
 Проворный, веселый, и страстный,
 Такъ побѣдно-прекрасный,
 Что когда онъ сжигаетъ мое,
 Не могу я не видѣть его красоты,—
 О, красивый Огонь, я тебѣ посвятилъ всѣ мечты!

3.

Ты мѣняешься вѣчно,
 Ты повсюду—другой.
 Ты красный и дымный
 Въ клочкотаньи костра.

Ты как страшный цвѣтокъ съ лепестками изъ пламени,
 Ты какъ вставшіе дыбомъ блестящіе волосы.
 Ты трепещешь, какъ желтое пламя свѣчи
 Съ его голубымъ основаньемъ.
 Ты являешься въ быстромъ сіяньи зарницъ.
 Ты, застывши, горишь въ грозовыхъ облакахъ,
 Фиолетовыхъ, аспидно-синихъ.
 Ты средь шума громовъ и напѣва дождей
 Возникаешь невѣрностью молній,
 То изломомъ сверкнешь,
 То сплошной полосой,
 То какъ шаръ, окруженный сіяющимъ воздухомъ,
 Золотой, огневой,
 Съ перемѣнными красными пятнами.
 Ты въ хрустальности звѣздъ, и въ порывѣ кометъ.
 Ты отъ отъ Солнца идешь и, какъ солнечный свѣтъ,
 Согрѣвательно входишь въ растенья,
 И будя, и мѣняя въ нихъ тайную влагу,
 То засвѣтишься алой гвоздикой,
 То зашепчешь какъ колось пушистый,
 Ты протянешься пьяной лозой.
 Ты какъ искра встаешь
 Изъ глухой темноты,
 Долго ждешь, стережешь.
 Кто пришелъ? Это ты!
 Черезъ мигъ ты умрешь,
 Но пока ты живешь,
 Нѣтъ сильнѣй, нѣтъ страннѣй, нѣтъ свѣтлѣй красоты!

4.

Не устану тебя восхвалять.
 О, внезапный, о, страшный, о, вкрадчивый!
 На тебѣ расплавляютъ металлы.

Близъ тебя создаютъ и куютъ,
 Много тяжкихъ подковъ,
 Много кось легковозныхъ,
 Чтобъ косить, чтобъ косить,
 Много колець, для пальцевъ лилейныхъ,
 Много колець, чтобъ жизни сковать,
 Чтобы въ нихъ, какъ въ цѣпяхъ, годы долгіе быть,
 И устами остывшими слово „Любить“
 Повторять.
 Много можешь ты странныхъ вещей создавать,
 Полносложность орудій, чтобъ горы дробить,
 Чтобы цѣнное золото въ безднахъ добыть,
 И отточенный ножъ, чтобъ убить!

5.

Вездѣсущій Огонь, я тебѣ посвятилъ всѣ мечты,
 Я такой же, какъ ты.
 О, ты свѣтишь, ты грѣешь, ты жжешь,
 Ты живешь, ты живешь!
 Въ старину ты, какъ Змѣи, прилетала безъ конца,
 И невѣсть похищала отъ вѣнца,
 И, какъ огненный гость, много разъ, въ старину,
 Ты утѣшила чужую жену.
 О, блестящій, о, жгучій, о, яростный!
 Въ яркомъ пламени нѣсколько разныхъ слоевъ.
 Ты горишь какъ багряный, какъ темный, какъ желтый,
 Весъ согрѣтый измѣнчивымъ золотомъ, праздникъ осен-
 нихъ листовъ.
 Ты блистишь какъ двѣнадцативѣтннй алмазь,
 Какъ кошачья ласкательность женскихъ влюбляющихъ
 глазъ,
 Какъ восторгъ изумрудный волны Океана,

Въ тотъ мигъ какъ она преломляется,
Какъ весенній листокъ, на которомъ росинка дрожить и
качается,
Какъ дрожанье зеленой мечты свѣтляковъ,
Какъ мерцанье бродячихъ огней,
Какъ зажженные свѣтомъ вечернимъ края облаковъ,
Распростершихъ свой трауръ надъ ликомъ сожженныхъ
и гаснущихъ дней!

6.

Я помню, Огонь,
Какъ сжигалъ ты меня,
Межь колдуній и вѣдьмъ, трепетавшихъ отъ ласки Огня.
Насъ терзали за то, что мы видѣли тайное,
Сожигали за радость полночного шабаша,
Но увидѣвшимъ то, что мы видѣли,
Быль не страшень Огонь.
Я помню еще,
О, я помню другое, горящія зданія,
Гдѣ сжигали себя добровольно, средь тьмы,
Межь невѣрныхъ, невидящихъ, вѣрные, мы.
И при звукахъ молитвъ, съ изступленными воплями,
Мы слагали хваленья Даятелю силъ.
Я помню, Огонь, я тебя полюбилъ!

7.

Я знаю, Огонь,
И еще есть иное сіянье для насъ,
Что горитъ передъ взоромъ навѣки потухнувшихъ глазъ.
Въ немъ внезапное знанье, въ немъ ужасъ, восторгъ
Предъ безмѣрностью новыхъ глубокихъ пространствъ.

Для чего, изъ чего, кто ихъ взялъ, кто исторгъ,
Кто облекъ ихъ въ лучи многозвѣздныхъ убранствъ?
Я уйду за отвѣтомъ!
О, душа восходящей стихии, стремящейся въ твердь,
Я хочу, чтобы бѣлымъ немеркнущимъ свѣтомъ
Засвѣтилась мнѣ — Смерть!

БЕЗУМНЫЙ ЧАСОВЩИКЪ.

Межъ древнихъ горъ жилъ сказочный старикъ,
 Безуміемъ объятый необычнымъ.
 Онъ былъ богачъ, поэтъ—и часовщикъ.

Онъ былъ богатъ во многомъ и въ различномъ.
 Владѣлъ землей, морями, сонмомъ горъ,
 Вѣтрами, даже Небомъ безграничнымъ.

Онъ былъ поэтъ, и сочеталъ въ узоръ
 Незримыя, безгласныя созданья,
 Въ чихъ обликахъ былъ краснорѣчьемъ—взоръ.

Шли годы внѣ разлада, внѣ страданья,
 Онъ былъ бы лишь поэтомъ навсегда,
 Но возимѣлъ безумное мечтанье.

Слова онъ раздѣлилъ на нѣтъ и да,
 Онъ бросилъ чувства въ область раздвоенья.
 И дня и ночи встала череда.

А чтобъ вѣрнѣе было ихъ значенье,
 Чтобы означить слѣдъ ихъ полосы,
 Ихъ двойственность, ихъ смѣну и теченье,—

Поэтъ безумный выдумалъ часы.
 Ихъ дикій строй снабдилъ онъ голосами:
 Одни изъ нихъ плѣнительной красы,—

Поютъ, звенятъ; другіе воютъ псами;
 Смѣются; говорятъ; кричатъ, скорбя.
 Такъ весь свой домъ увѣсилъ онъ часами.

И вѣчность звукомъ времени дробя,
 Часы идутъ путемъ круговращенья,
 Не уставая повторять себя.

Но самъ создавъ ихъ голосъ какъ внушенье,
 Безумный часовщикъ, съ теченьемъ лѣтъ
 Сталъ чувствовать къ ихъ рѣчи отвращенье.

Въ его дворцѣ молчанья больше нѣтъ,
 Часы кричатъ, хохочутъ, шепчутъ смутно,
 И на мечту, звеня, кладутъ запретъ.

Ихъ стрѣлки, уходя ежеминутно,
 Мѣняютъ свѣтъ на тѣнь, и день на ночь,
 И все клянутъ, и все клянутъ попутно.

Не въ силахъ отвращенья превозмочь,
 Безумный часовщикъ, въ припадкѣ гнѣва,
 Рѣшилъ прогнать созвучья эти прочъ,—

Лишить часы ихъ дикаго напѣва:
 И вотъ, раскрывъ ихъ внутренній составъ,
 Онъ вертитъ цѣпь направо и налево.

Но строй ли измѣнился въ нихъ и сплавъ,
Иль съ ними приключилось чарованье,
Они явили самый дерзкій нравъ,—

И подняли такое завыванье,
И начали такъ яростно звенѣть,
Что часовщикъ забылъ негодованье,—

И слыша прокливающую мѣдь,
Какъ трупами испуганный анатомъ,
Отъ ужаса лишь могъ закаменѣть.

А между тѣмъ часы, гудя набатомъ,
Все громче хаосъ воплей громоздятъ,
И каждый звукъ,—неустрашимый атомъ.

Имъ вторять горы, море, плѣнный адъ,
И вѣтры, напоенные проклятьемъ,
Въ пространствахъ снова кружатъ, кружатъ, кружатъ.

Рожденные чудовищнымъ зачатьемъ,
Межъ древнихъ горъ мнутса нѣтъ и да,
Враждебные, слились однимъ объятьемъ,—

И больше не умолкнуть никогда.

ОСВОБОЖДЕНІЕ.

Закрывъ глаза, я слушаю безгласно,
Какъ гаснетъ шумъ смолкающаго дня,
Въ моей душѣ торжественно и ясно.

Послѣдній свѣтъ закатнаго огня,
Въ окно входя цвѣтною полосою,
Ласкательно баюкаетъ меня.

Опустошенный творческой грозою,
Блаженно стынетъ нѣжащійся духъ,
Какъ стебли травъ, забытые косою.

Я весь преображаюсь въ чуткій слухъ,
И внемлю чье-то дальнее рыданье,
И близкое ко мнѣ жужжанье мухъ.

Я замеръ въ сладкой дремѣ ожиданья.
Вотъ-вотъ кругомъ сольется все въ одно.
Я въ музыкѣ всемірнаго мечтанья.

Все то, что во Вселенной рождено,
Куда-то въ пропасть мчится по уклонамъ,
Какъ мертвый камень падаетъ на дно.

Одинъ—свѣтло смѣясь, другой—со стономъ,
 Всѣ падаютъ, какъ звуки съ тонкихъ струнъ,
 И мѣръ объять красиво скорбнымъ звономъ.

Я вижу много дальнихъ снѣжныхъ лунъ,
 Я вижу изумрудныя планеты,
 По ихъ морямъ не пѣнится бурюнь.

На нихъ иные призраки и свѣты.
 И я въ безмолвномъ счастья сознаю,
 Что для меня не всѣ созвучья спѣты.

Я радуюсь иному бытію,
 Гармонію планетъ воспринимаю,
 И самъ—въ дворцѣ души своей—пою.

Просторамъ звѣздъ ни грани нѣтъ, ни краю.
 Пространства звоновъ полны торжествомъ,
 И, все понявъ, я смыслы ихъ впиваю.

Исходный лучъ въ сплетеніи міровомъ,
 Мой разумъ слить съ безбрежностью блаженства,
 Поющаго о мертвомъ и живомъ.

Да будутъ пытки! Въ этомъ совершенство.
 Да будетъ боль стремленій безъ конца!
 Отъ рабства мглы—до яркаго главенства!

Мы звеня вокругъ созвѣднаго кольца,
 Прогалины среди вѣтвей сплетенныхъ,
 Мы свѣтотѣнь разумнаго лица.

Лучами нашихъ сновъ освобожденныхъ
 Мы тянемся къ безмѣрной Красотѣ
 Въ моряхъ сознанья, звонкихъ и бездонныхъ.

Мы каждый мигъ—и тѣ же и не тѣ,
 Великая расторгнута завѣса,
 Мы быстро мчимся къ сказочной чертѣ,—

Какъ наши звѣзды къ звѣздамъ Геркулеса.

ИЗЪ КНИГИ
„ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ“

МОСКВА
1903

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧЪ.

Свой мозгъ пронзилъ я солнечнымъ лучомъ.
Гляжу на Миръ. Не помню ни о чемъ.
Я вижу свѣтъ, и цвѣтовой туманъ.
Мой духъ влюбленъ. Онъ упоенъ. Онъ пьянъ.

Какъ лучъ горитъ на пальцахъ у меня.
Какъ сладко мнѣ присутствіе огня.
Смѣшалось все. Людское я забылъ.
Я въ міровомъ. Я въ центрѣ вѣчныхъ силъ.

Какъ радостно быть жаркимъ и сверкать.
Какъ весело мгновения сжигать.
Со свѣтлыми я свѣтомъ говорю.
Я царствую. Блаженствую. Горю.

Я НЕ ЗНАЮ МУДРОСТИ.

Я не знаю мудрости, годной для другихъ,
Только мимолетности я влагаю въ стихъ.
Въ каждой мимолетности вижу я міры,
Полные измѣнчивой радужной игры.

Не кляните, мудрые. Что вамъ до меня?
Я вѣдь только облачко, полное огня.
Я вѣдь только облачко. Видите: плыву.
И зову мечтателей... Васъ я не зову!

СНѢЖИНКА.

Свѣтло-пушистая,
Снѣжинка бѣлая,
Какая чистая,
Какая смѣлая!

Дорогой бурною
Легко проносится,
Не въ высь лазурную,
На землю просится.

Лазурь чудесную
Она покинула,
Себя въ безвѣстную
Страну низринула.

Въ лучахъ блистающихъ
Скользить, умѣлая,
Средь хлопьевъ тающихъ
Сохранно-бѣлая.

Подъ вѣтромъ вѣющимъ
Дрожить, взметается,
На немъ, лелѣющемъ,
Свѣтло качается.

Его качелями
 Она утѣшена,
 Съ его мятелями
 Крутится бѣшено.

Но вотъ кончается
 Дорога дальная,
 Земли касается
 Звѣзда кристальная.

Лежить пушистая,
 Снѣжинка смѣлая.
 Какая чистая,
 Какая бѣлая!

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Мнѣ хочется снова дрожаній качели,
 Въ той липовой рошѣ, въ деревнѣ родной,
 Гдѣ утромъ фіалки во мглѣ голубѣли,
 Гдѣ мысли робѣли такъ странно весной.

Мнѣ хочется снова быть кроткимъ и пѣжнымъ,
 Быть снова ребенкомъ, хотя бы въ другомъ,
 Но только бѣ упиться бездоцнымъ, безбрежнымъ,
 Въ раю бѣлоснѣжномъ, въ раю голубомъ.

И если любилъ я безумныя ласки,
 Я къ нимъ остываю, совѣмъ, навсегда,
 Мнѣ нравится вечеръ, и дѣтскіе глазки,
 И тихія сказки, и снова звѣзда.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА.

Въ замкѣ былъ веселый балъ,
Музыканты пѣли.
Вѣтерокъ въ саду качалъ
Легкія качели.

Въ замкѣ, въ сладостномъ бреду,
Пѣла, пѣла скрипка.
А въ саду была въ пруду
Золотая рыбка.

И кружились подь Луной,
Точно вырѣзныя,
Опьяненныя Весной,
Бабочки ночныя.

Прудъ качалъ въ себѣ звѣзду,
Гнулись травы гибко.
И мелькала тамъ въ пруду
Золотая рыбка.

Хоть не видѣли ся
Музыканты бала,
Но отъ рыбки, отъ нея,
Музыка звучала.

Чуть настанеть тишина,
Золотая рыбка
Промелькнетъ, и вновь видна
Межъ гостей улыбка.

Снова скрипка зазвучитъ,
Пѣсня раздаётся.
И въ сердцахъ Любовь журчитъ,
И Весна смѣется.

Взоръ ко взору шепчетъ: „Жду!“
Такъ свѣтло и зыбко.
Оттого, что тамъ въ пруду—
Золотая рыбка.

* * *

Ты мнѣ была сестрой, то нѣжною, то страстной,
И я тебя любилъ, и я тебя люблю.
Ты призракъ дорогой... блѣднѣющій... неясный...
О, въ этотъ лунный часъ я о тебѣ скорблю!

Мнѣ хочется, чтобъ Ночь, раскинувшая крылья,
Воздушной тишиной соединила насъ.
Мнѣ хочется, чтобъ я, исполненный безсилья,
Въ твои глаза струилъ огонь влюбленныхъ глазъ.

Мнѣ хочется, чтобъ ты, вся блѣдная отъ муки,
Подъ лаской замерла, и цѣловалъ бы я
Твое лицо, глаза, и маленькія руки,
И ты шепнула бъ мнѣ: „Смотри, я вся—твоя!“

Я знаю, всѣ цвѣты для насъ могли возникнуть,
Во мнѣ дрожить любовь, какъ лунный лучъ въ волнѣ.
И я хочу стонать, безумствовать, воскликнуть:—
„Ты будешь навсегда любовной пыткой мнѣ!“

* * *

Прозвенитъ ли вдали колокольчикъ,
Колокольчикъ, во мглѣ убѣгающій,—
Догораетъ ли мѣсяцъ за тучкой,
Тамъ за тучкой, блѣднѣющей, тающей,—

Наклонюсь ли я, полный печали,
О, печали глубоко-мучительной!—
Надъ водой, надъ рѣкой безглагольной,
Безглагольной, безгласной, томительной,—

Предо мною встаешь ты, родная,
Ты, родная и въ сердцѣ хранящая,—
Вдругъ я вижу, что ты не забыта,
Позабывая, горько-любимая.

БЕЗГЛАГОЛЬНОСТЬ.

Есть въ Русской природѣ усталая нѣжность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящая дали.

Приди на разсвѣтъ на склонѣ косогора,—
Надъ зябкой рѣкою дымитса прохлада,
Чернѣть громада застывшаго бора,
И сердцу такъ больно, и сердце не радо.

Недвижный камышь. Не трепещетъ осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убѣгаютъ далеко-далеко.
Во всемъ утомлене, глухое, нѣмое.

Войди на закатъ, какъ въ свѣжія волны,
Въ прохладную глушь деревенскаго сада,—
Деревья такъ сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу такъ грустно, и сердце не радо.

Какъ будто душа о желанномъ просила,
И сдѣлали ей незаслуженно-больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачетъ, и плачетъ, и плачетъ невольно.

* * *

Когда я былъ мальчикомъ, маленькимъ, нѣжнымъ,
Былъ кротокъ мой взоръ и глубокъ.
Ты знаешь, что утромъ, предъ моремъ безбрежнымъ,
Горитъ золотистый песокъ?

Когда я былъ юношей, робкимъ и страннымъ,
Я вѣчной былъ полонъ тоской.
Ты знаешь, что вечеромъ, въ свѣтъ туманномъ,
Русалки поютъ надъ рѣкой?

Когда я сталъ страстнымъ, желаннымъ и властнымъ,
Цѣлую я всѣхъ на пути.
Ты знаешь, что ночью, въ туманѣ неясномъ
Такъ страшно, такъ страшно идти?

КЪ НОЧИ.

Вспоенная соленой морскою глубиной,
 Вся дышащая влагой, мечтой, и тишиной.—

О, Ночь, побудь со мной,
 О, Ночь, побудь моей,
 Дай мнѣ побыть во снѣ,
 Въ бездонной глубинѣ,
 Гдѣ скрыты зерна дней.

Окутанная дымомъ сожженныхъ вечеровъ,
 Дочь Хаоса нѣмая, любимица вѣковъ,—

О, Ночь, пошли мнѣ сновъ,
 Мою печаль развѣй,
 О, Ночь, люби меня,
 Я такъ усталъ отъ Дня,
 Хотя я жажду дней.

Ты, капище видѣній, свобода всѣхъ рабовъ,
 Колдунья преступлений и самыхъ нѣжныхъ словъ,—

О, Ночь, сгусти покровъ
 Своихъ густыхъ тѣней,
 Чтобъ мнѣ забыть себя,
 Чтобъ снова жить, любя
 Рожденье новыхъ дней.

Въ одеждѣ изъ созвѣздій, гдѣ каждая звѣзда
 Живеть тысячелѣтъя, и вѣчно молода,—

О, Ночь, живи всегда,
 О, Ночь, свой мракъ лелѣй,
 Чтобъ въ блескъ красоты
 Еще цвѣли цвѣты
 Не мнѣ цвѣтущихъ дней.

У МОРЯ НОЧЬЮ.

У Моря ночью, у Моря ночью
 Темно и страшно. Хрустит песокъ.
 О, какъ мнѣ больно у Моря ночью.
 Есть гдѣ-то счастье. Но путь далекъ.

Я вижу звѣзды. Одна мнѣ свѣтитъ
 Другихъ свѣтлѣе и всѣхъ нѣжнѣй.
 Но, если сердце ее отмѣтитъ,
 Она далеко, не быть мнѣ съ ней.

Я умираю у Моря ночью.
 Песокъ затянетъ, зальетъ волна.
 У Моря ночью, у Моря ночью
 Меня полюбить лишь Смерть одна.

СТАРЫЙ ДОМЪ.

ПРЕРЫВИСТЫЯ СТРОКИ.

Въ старинномъ домѣ есть высокій залъ,
 Ночью въ немъ слышатся тихіе шаги,
 Въ полночь оживаетъ въ немъ глубина зеркаль,
 И изъ нихъ выходятъ друзья и враги.

Бойтесь безмолвныхъ людей,
 Бойтесь старыхъ домовъ,
 Страшиться мучительной власти несказанныхъ словъ,
 Живите, живите—мнѣ страшно—живите скорѣй.

Кто въ мертвую глубь враждебныхъ зеркаль
 Когда-то бросилъ безответный взглядъ,
 Тотъ зеркаломъ скованъ, и высокій залъ
 Населенъ тѣнями и люстры въ немъ горятъ.

Канделябры тяжелыя свѣтъ свой льютъ,
 Безжизненно тянутся отсвѣты свѣчей.
 И въ залъ, въ этотъ страшный призрачный пріютъ
 Привидѣнья выходятъ изъ зеркальныхъ зыбей.

Есть что-то змѣиное въ движеніи томъ,
 И музыкой змѣиною вальсъ поетъ,
 Шорохи, шелесты, шаги... О, старый домъ,
 Кто въ тебя дневной неполночный свѣтъ прольетъ?

Кто въ тебѣ тяжелыя двери распахнетъ?
 Кто воскреситъ неразсказанность мечты?
 Кто сниметъ съ насъ этотъ мучительный гнетъ?
 Мы только отраженія зеркальной пустоты.

Мы кружимся бѣшено одинъ лишь часъ,
 Мы носимся съ бѣшенствомъ скорѣе и скорѣй,
 Дробятся мгновения и гоняетъ насъ,
 Нѣтъ выхода, и нѣтъ привидѣнйямъ дверей.

Мы только сплетаемся въ пляскѣ на мигъ,
 Мы кружимся, не чувствуя за окнами Луны,
 Предъ каждымъ и съ каждымъ его же двойникъ,
 И вновь мы возвращаемся въ зеркальность глубины.

Мы, мертвые, уходимъ незримо туда,
 Гдѣ будто бы все ясно и холодно-свѣтло,
 Намъ нѣтъ возрожденья, не будетъ никогда,
 Что сказано—отжито, не сказано—прошло.

Бойтесь старыхъ домовъ,
 Бойтесь тайныхъ ихъ чаръ,
 Домъ тѣмъ болѣе жаденъ, чѣмъ онъ болѣе старъ,
 И чѣмъ старше душа, тѣмъ въ ней больше за-
 вленныхъ словъ.

ГИМНЪ СОЛНЦУ.

1.

Жизни податель,
 Свѣтлый создатель,
 Солнце, тебя я пою!
 Пусть хоть несчастной
 Сдѣлай, но страстной,
 Жаркой и властной
 Душу мою!

Жизни податель,
 Богъ и Создатель,
 Страшный сжигающій Свѣтъ!
 Дай мнѣ—на пирѣ
 Звукомъ быть въ лирѣ,
 Лучшаго въ Мирѣ
 Счастія нѣтъ!

2.

О, какъ, должно-быть, было это Утро
 Единственно въ величїи своемъ,
 Когда въ рубинахъ, въ нѣгѣ перламутра,
 Зажглось ты первымъ творческимъ лучомъ.

Надъ Хаосомъ, гдѣ каждая возможность
Предчувствовала первый свой расцвѣтъ,
Во всемъ была живая полносложность
Все было „Да“, не возникало „Нѣтъ“.

Въ ликующемъ и пьяномъ Океанѣ
Тьмы темъ очей глубокихъ ты зажгло,
И не было нигдѣ для счастья грани,
Любились всѣ, такъ жадно и свѣтло.

Дѣйствительность была равна съ мечтою,
И такъ же близъ была свѣтла, какъ даль.
Чтобъ пѣсни трепетали красотою,
Не надо было въ нихъ влгать печаль.

Все было многолико и едино,
Все нѣжило и чаровало взглядъ,
Когда изъ перламутра и рубина
Въ то Утро ты соткало свой нарядъ.

Потомъ, вспоивъ столѣтья, миллионы
Горячихъ, огнецвѣтныхъ, страстныхъ дней,
Ты жизнь вело чрезъ выси и уклоны,
Но въ каждый взоръ вливало блескъ огней.

И много разъ ликъ Мира измѣнялся,
И много протекло могучихъ рѣкъ,
Но громко голосъ Солнца раздавался,
И пѣсню крови слышалъ человекъ.

„О, дѣти Солнца, какъ они прекрасны!“—
Тотъ возгласъ перешелъ изъ устъ въ уста.
Въ тѣ дни лобзанья вѣчно были страстны,
Въ лицѣ красива каждая черта.

То въ Мексикѣ, гдѣ въ таинствахъ жестокихъ
Цвѣли такъ страшно красивые цвѣты,—
То въ Инди, гдѣ въ душахъ свѣтлоокихъ
Сложился блескъ ума и красоты,—

То тамъ, гдѣ Аписъ, весь согрѣтый кровью,
Склонивъ чело, на немъ являлъ звѣзду,
И, съ нимъ любя безстрашною любовью,
Лобзались люди въ храмахъ, какъ въ бреду,—

То между снова пластической Эллады,
Гдѣ Діонисъ царилъ и Аполлонъ,—
Вездѣ ты лило блескъ въ людскіе взгляды,
И разумъ міра въ Солнце былъ влюбленъ.

Какъ не любить свѣтило золотое,
Надежду запредѣльную Земли.
О, вѣчное, высокое, святое,
Созвучью нѣжныхъ строкъ моихъ внемли!

3.

Я все въ тебѣ люблю. Ты намъ дашь цвѣты,
Гвоздики алая, и губы розъ, и маки,
Изъ безразличья темноты
Выводишь Миръ, томившійся во мракѣ,
Къ красивой цѣльности отдѣльной красоты,
И въ слитномъ Хаосѣ являются черты,
Во мглѣ, что предъ тобой, вдругъ дрогнувъ, подается,
Встаютъ—они и мы, глядятъ—и я и ты,
Ростеть, поеть, сверкаетъ, и смѣется,
Ликуетъ празднично все то,
Въ чемъ лучъ горячей крови бьется,
Что ночью было какъ ничто.

Безъ Солнца были бы мы темными рабами,
Внѣ пониманія, что есть лучистый день,
Но самоцвѣтными камнями
Теперь мечты горятъ, намъ зримы свѣтъ и тѣнь.

Безъ Солнца облака—тяжелыя, густыя,
Недвижно-мрачныя, какъ тягостный утѣсь,
Но только ты взойдешь,—воздушно-золотыя,
Они воздушнѣй дѣтскихъ грезъ,
Нѣжнѣй, чѣмъ мысли молодыя.

Ты не взойдешь еще, а мѣръ уже поестъ,
Надъ соснами гудитъ звенящій вѣтеръ Мая,
И влагой синюю поишь ты небосводъ,
Всю мглу Безбрежности лучами обнимая.

И вотъ твой яркій дискъ на Небеса взошелъ,
Превыше вѣчныхъ горъ, горишь ты надъ богами,
И люди Солнце пьютъ, ты льешь вино струями,
Но страшно ты для глазъ, привыкшихъ видѣть долъ,
На Солнце лишь глядитъ орель,
Когда летитъ надъ облаками.

Но, не глядя на ликъ, что ослѣпляетъ всѣхъ,
Мы чувствуемъ тебя въ громахъ, въ нѣмой былинкѣ,—
Когда, желанный намъ, услышимъ звонкій смѣхъ,
Когда увидимъ лучъ, средѣ чащи, на тропинкѣ.

Мы чувствуемъ тебя въ рѣкѣ полночныхъ звѣздъ,
И въ глыбахъ темныхъ тучъ, разорванныхъ грозою,
Когда межъ нихъ горитъ, манящей полосою,
Воздушный семицвѣтный мостъ.

Тебя мы чувствуемъ во всемъ, въ чемъ блескъ алмазный,
Въ чемъ свѣтъ коралловый, жемчужный, иль иной.
Безъ Солнца наша жизнь была бѣ однообразной,
Теперь же мы живемъ мечтою вѣчно-разной,
Но болѣе всего ласкаешь ты—весной.

4.

Свѣжей весной
Все-озаряющее,
Насъ опьяняющее,
Цвѣтомъ, лучомъ, новизной,—
Слабые стебли для жизни прямой укрѣпляющее,—
Ты, пребывающее
Съ нимъ, неизвѣстнымъ, съ тобою, любовь, и со мной!

Ты теплое въ радостно-грустномъ Апрѣлѣ,
Когда на зарѣ
Играютъ свирѣли,
Горячее въ лѣтней порѣ,
Въ палящемъ Юлѣ,
Родящемъ зернистый и сочный приливъ
Въ колосьяхъ желтѣющихъ нивъ,
Что въ свѣтѣ лучей утонули.
Ты жгучее въ Африкѣ, свѣтъ твой горитъ
Смертельно, въ часъ полдня, вблизи Пирамидъ,
И въ зыбяхъ песчаныхъ Сахары.
Ты страшное въ нашей Россіи лѣсной,
Когда, воспринявши палящій твой зной,
Рокочутъ лѣсные пожары.
Ты въ отблескахъ мертвыхъ, въ предѣлахъ тѣхъ странъ,
Гдѣ бѣлою смертию одѣтъ Океанъ,
Что люди зовутъ Ледовитымъ,—

Гдѣ стелются версты и версты воды,
 И вѣчно звенять и ломаются льды,
 Бѣля подь вѣтромъ сердитымъ.
 Въ Норвегін блѣдной—полночное ты,
 Сіяньемъ полярнымъ глядишь съ высоты,
 Горишь въ сочетаньяхъ неожиданныхъ.
 Ты тусклое тамъ, гдѣ взрастаютъ лишь мхи,
 Цѣпляются въ тундрахъ, глядятъ какъ грѣхи,
 Въ краяхъ для тебя нежеланныхъ.
 Но Солнцу и въ тундрахъ предѣльности нѣтъ,
 Они получаютъ зловѣщій твой свѣтъ,
 И, если есть черныя страны,
 Гдѣ люди въ бреду и въ видѣньяхъ весь годъ,
 Тамъ день есть межъ днями, когда небосводъ
 Мигъ правды даетъ за обманы.
 И тотъ, кто томился весь годъ безъ лучей,
 Въ мигъ правды богаче избранныхъ дней.

5.

Я тебя воспѣваю, о, яркое жаркое Солнце,
 Но хоть знаю, что я и красиво нѣжно пою,
 И хоть струны Поэта звончѣй золотого червонца,
 Я не въ силахъ исчерпать всю властьность, всю
 чару твою.

Если бъ я родился не Пѣвцомъ, истомленнымъ тоскою,
 Если бъ былъ я звенящей блестящей свободной
 волной,
 Я украсилъ бы берегъ жемчужиной—искрой морскою—
 Но не зналъ бы я, сколько сокрыто ихъ всѣхъ глу-
 биной.

Если бъ я родился не стремящимся жаднымъ Поэтомъ,
 Я расцвѣлъ бы какъ ландышъ, какъ бѣлый вблос-
 бленный цвѣтокъ,
 Но не зналъ бы я, сколько цвѣтовъ раскрывается лѣтомъ,
 И душистые сны сосчитать я никакъ бы не могъ.

Такъ, тебя воспѣвая, о, счастье, о, Солнце святое,
 Я лишь частію слышу ликующей жизненный смѣхъ,
 Все люблю я въ тебѣ, ты во всемъ и всегда—молодое,
 Но сильнѣе всего то, что въ жизни горишь ты —
 для всѣхъ.

6.

Люблю въ тебѣ, что ты, согрѣвъ Франциска,
 Воспѣваго тебя, какъ я пою,
 Ласкаешь тѣмъ же свѣтомъ василиска,
 Лелѣешь нѣжныхъ птичекъ и змѣю.

Мѣняешь бесконечно сочетанья
 Людей, звѣрей, планетъ, ночей, и дней,
 И насъ ведешь дорогами страданья,
 Но насъ ведешь къ Безсмертію Огней.

Люблю, что тотъ же самый свѣтъ могучій,
 Что насъ ведетъ къ немеркнушему Дню,
 Струить дожди, порвавши сумракъ тучи,
 И приобщаетъ нѣжныхъ дѣвъ къ огню.

Но, если, озаряя и цѣлуя,
 Касаешься ты мыслей, губъ, и плечъ,
 Въ тебѣ всего сильнѣе то люблю я,
 Что можешь ты своимъ сіяньемъ—сжечь.

Ты явственно на стоны отвѣчаешь,
 Что выборъ есть межъ сумракомъ и днемъ,
 И ты не вѣсту съ пламенемъ вѣнчаешь,
 Когда въ душѣ горишь своимъ огнемъ.

Въ тотъ яркій день, когда владыки Рима
 Въ послѣдній разъ вступили въ Карфагенъ,
 Они на пирѣ пламени и дыма
 Разрушили оплотъ высокихъ стѣнъ,—

Но гордая супруга Газдрубала,
 Наперекоръ побѣдному врагу,
 Взглянувъ на Солнце, про себя сказала:—
 „Еще теперь я побѣдить могу!“

И, окруживъ себя людьми, конями,
 Какъ на престоль, взошедши на костерь,
 Она слилась съ блестящими огнями,
 И былъ триумфъ—несбывшійся позоръ.

И вспыхнуло не то же ли сіянье
 Для двухъ, чья страсть была сильнѣй, чѣмъ мѣръ,
 Въ любовникахъ, чьи жаркія лобзанья
 Черезъ вѣка почувствовалъ Шекспиръ.

Плѣнительна, какъ солнечная сила,
 Та Клеопатра, съ пламенемъ въ крови,
 Плѣнительна, предъ этой змѣйкой Нила,
 Антоній, сжегшій умъ въ огнѣ любви.

Полубогамъ великаго Заката
 Ты вспыхнуло въ вѣкахъ пурпурнымъ днемъ,
 Какъ намъ теперь, закатностью богато,
 Сіяешь алымъ красочнымъ огнемъ.

Ты ихъ сожгло. Но въ свѣтлой мглѣ забвенья
 Земль сказала: „Снова жизнь готовы!“—
 Надъ ихъ могилой—легкій звонъ мгновенья,
 Пылаютъ маки, красные, какъ кровь.

И какъ въ великой грезѣ Македонца
 Царилъ надъ всей Землею умъ одинъ,
 Такъ ты одно царишь надъ міромъ, Солнце,
 О, міровой закатный нашъ рубинъ!

И въ этотъ часъ, когда я въ нѣжномъ звонѣ
 Слагаю пѣснь высокому Царю,
 Ты жжешь костры въ глубокомъ небосклонѣ,
 И я свѣтло, сжигая жизнь, горю!

7.

О, Міроздатель,
 Жизнеподатель,
 Солнце, тебя я пою!
 Ты въ полногласной
 Сказкѣ прекрасной
 Сдѣлало страстной
 Душу мою!

Жизни податель,
 Богъ и создатель,
 Мудро сжигающій—Свѣтъ!
 Радъ я на пирѣ
 Звукомъ быть въ лирѣ,
 Лучшаго въ Мирѣ
 Счастія нѣтъ!

ИЗЪ КНИГИ

„ЛИТУРГИЯ КРАСОТЫ“

МОСКВА
1905

И НѢТЬ ПРЕДѢЛОВЪ.

Ты создалъ мыслию своей
Боговъ, героевъ, и людей,
Зажегъ несчетности свѣтилъ,
И ихъ звѣрями населилъ.

Отъ края къ краю—зовъ зарницъ,
И вольны въ высяхъ крылья птицъ,
И звонко пѣнье вешнихъ струй,
И сладко-влаженъ поцѣлуй.

А Смерть возникнетъ въ свой чередъ,—
Кто выйдетъ здѣсь, тотъ тамъ войдетъ,
У Жизни множество дверей,
И Жизнь стремится все быстрѣй.

Всѣ звѣри въ страсти горячи,
И Солнце жарко льетъ лучи,
И нѣтъ предѣловъ для страстей
Боговъ, героевъ, и людей.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ФАТА-МОРГАНА“.

1. ПРЕДРАЗСВѢТНО-ЛЕПЕСТКОВЫЙ.

Неназываемый цвѣтокъ,
 Который нѣженъ и прелестенъ,
 И каждой дѣвушкѣ извѣстенъ,
 Какъ всѣмъ пѣвцамъ рожденье строкъ.

Неназываемый цвѣтокъ,
 Что только разъ одинъ алѣетъ,
 И повторяться не умѣетъ,
 Но все вложилъ въ одинъ намекъ.

Неназываемый цвѣтокъ.

2. ЗОЛОТИСТЫЙ.

Лютикъ золотистый,
 Греза влажныхъ мѣстъ,
 Лугъ, и шелкъ цвѣтистый,
 Свѣтлый сонъ невѣстъ.

Пляска брызгъ огнистыхъ
 Въ пламени костровъ,
 Между красно-мглистыхъ
 Быстрыхъ огоньковъ.

Колось, отягченный
 Числами зерна,
 Вечеръ позлащенный,
 Полная Луна.

3. нѣжно-лиловый.

Колокольчикъ на опушкѣ лѣса,
 Съ звонами, что вняты слуху фей,
 Бархатисто-пышная завѣса
 Возлѣ лиловатыхъ орхидей.

Въ лепетѣ ромansa—цвѣтъ сирени,
 Садъ мечты, и въ немъ упавшій листь,
 Въ красочномъ контрастѣ—свѣтъ и тѣни,
 На рукѣ лилейной—аметистъ.

4. опалово-зимний.

Мелкій слой чуть выпавшаго снѣга,
 Серпъ Луны въ лазури блѣдно-синей,
 Съть вѣтвей, узорная ихъ нѣга,
 Кружевомъ на всемъ—воздушный иней.

Духовъ серебристыхъ замокъ стройный,
 Сонмы фей въ сплетеньяхъ менузета,
 Танецъ блестокъ, матово-спокойный,
 Балъ снѣжинокъ, вымышленность свѣта.

ОТЗВУКИ БЛАГОВѢСТА.

Въ недвижности, въ безгласной летаргїи
 Прибрежныхъ скалъ, молчащихъ надъ водой,—
 Молчащихъ вѣкъ, вѣка, еще, другіе,
 Молчащихъ въ безглагольной летаргїи,—
 Есть смыслъ—какой?—не уловить мечтой,
 Но только вѣчный, благодный, святой,
 Сильнѣй, чѣмъ всѣ напѣвности морскія.

БОГЪ ОКЕАНЪ.

Волны морей, беспредѣльно-пустынно-шумящія,
 Богъ Океанъ, многогласно-печально-взывающій,
 Пѣнныя ткани, безцѣльно-воздушно-летающія,
 Брызги съ воздушностью, призрачно-сказочно-тающей.

Горькія воды, туманно-холодно-безбрежныя,
 Долгій напѣвъ, безконечно-томительно-длительный,
 Волны морей, безъ конца-безъ конца-безнадежныя,
 Богъ Океанъ, неоглядно-темно-утомительный.

НЕ ОБВИНЯЙ.

Не обвиняй, не обвиняй. Быть может онъ неправъ,
 Но онъ въ тюрьмѣ твоей забылъ пучокъ душистыхъ травъ.
 И онъ въ тюрьмѣ твоей забылъ замуровать окно.
 И Миръ Ночной, и Миръ Дневной идутъ къ тебѣ на дно.

Ты потонулъ. Ты здѣсь уснулъ. И встать не можешь ты.
 Но вотъ въ тюрьмѣ глядятъ, растутъ, и царствуютъ цвѣты.
 На мѣстѣ томъ, гдѣ ты лежишь, какъ трупъ ты долженъ
 быть.

Но сердце знаетъ, что нельзя созвѣзды не любить.

Не обвиняй, не обвиняй—хотя бы потому,
 Что обвиненъемъ все равно не повредишь ему,
 А только сдѣлаешь свой взоръ тяжелымъ и больнымъ,
 И, если вправду онъ не правъ, сравняешься ты съ нимъ.

А если то не случай былъ, что онъ забылъ цвѣты?
 А если то не случай былъ, что Небо видишь ты?
 Какъ взглянешь ты, когда онъ вдругъ въ тюрьмѣ откроетъ
 дверь,

Откроетъ дверь, что заперта, закована теперь!

Я знаю, больно ждать того, что только можетъ быть.
 Но счастливъ тотъ, кто даже боль съумѣетъ полюбить.
 Я знаю все. Мнѣ жаль тебя. Но чу! Цвѣты цвѣтутъ.
 Мой братъ, я—духъ того, кто былъ—въ твоей тюрьмѣ—
 вотъ тутъ.

БЕЗВРЕМЯ.

Западъ и Сѣверъ объята
 Пламенемъ вечера соннаго.
 Краски печально-богаты
 Дня безвозвратно-сожженнаго.

Вѣтеръ шумитъ, не смолкая,
 Между листовъ опадающихъ.
 Съ крикомъ проносится стая
 Птиць, далеко улетающихъ.

Счастливъ, кто мудро наполнилъ
 Хлѣбомъ амбары укромные.
 Горе, кто трудъ не исполнилъ,
 Горе вамъ, мыслями темные!

„PAX HOMINIBUS BONAE VOLUNTATIS“.

Миръ на Землѣ, миръ людямъ доброй воли,
 Миръ людямъ воли злой желаю я.
 Миръ тѣмъ, кто ослѣпленъ на бранномъ полѣ,
 Миръ тѣмъ, въ чьихъ темныхъ снахъ живетъ Змѣя.

О, слава Солнцу пламенному въ вышнихъ,
 О, слава Небу, звѣздамъ, и Лунѣ.
 Но для меня нѣтъ въ Мирѣ больше лишнихъ,
 Съ высотъ зову—и тѣхъ, кто тамъ, на днѣ.

Всѣ—въ Небесахъ, всѣ равны въ разной долѣ,
 Я счастливъ такъ, что всѣхъ зову съ собой.
 Идите въ Жизнь, миръ людямъ доброй воли,
 Идите въ Жизнь, миръ людямъ воли злой.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ОГОНЬ“.

Огонь приходитъ съ высоты,
 Изъ темныхъ тучъ, достигшихъ грани
 Своей растушей темноты,
 И порождающей черты
 Молниеносныхъ содроганій.
 Огонь приходитъ съ высоты,
 И, если онъ въ землѣ таится,
 Онъ лавой вырваться стремится,
 Изъ подземельной тѣсноты,
 Когда жъ съ высотъ лучомъ струится,
 Онъ въ хороводъ зоветъ цвѣты.

Но что это? Дрогнувъ, мѣняются чары,
 Какъ будто бы смѣхъ Соблазнителя-Мары,
 Сорвавшись къ долинамъ съ вершинъ,
 Мнѣ шепчетъ, что жадны, какъ звѣри, растеня,
 И сдвоенность воплей я слышу сквозь пѣнье,
 И если мечтъ драгоцѣнныя каменья,
 Кровавы гвоздики, и страшень рубинъ.

Мнѣ страшень угаръ ароматовъ и блесковъ расцвѣта.
 Все смѣшалось во мнѣ,
 Я горю какъ въ Огнѣ.
 Душное лѣто.
 Цвѣточный кошмаръ овладѣлъ распаленной мечтой,
 Синіе пляшутъ огни, пляшетъ Огонь золотой,

Страшною стала мнѣ даже трава,
Вижу, какъ въ маревѣ, стебли нѣмые,
Пляшутъ и мысли кругомъ и слова.
Мысли—мои? Или, можетъ, чужія?

Закатное Небо. Костры отдаленные.
Гвоздики, и маки, въ своихъ сновидѣньяхъ безсонные.
Волчцы подъ Луной, привидѣнья они.
Обманные бродятъ огни
Пустырями унылыми.
Георгины тупые, съ цвѣтами застылыми,
Точно ихъ создала не Природа живая,
А измыслилъ въ безжизненный мигъ человѣкъ.
Одуванчиковъ стая сѣдая.
Милліоны раздавленныхъ красныхъ цвѣтовъ,
Клокотанье кроваво-окрашенныхъ рѣкъ.
Гнетъ пустыни надъ выжженной ширью песковъ.
Кактусы, цѣпкіе, хищные, сочные,
Странно-яркіе, тяжкіе, жаркіе,
Не по-цвѣточному прочные,
Что-то паучье есть въ кактусѣ зломъ,
Мысль онъ пугаетъ, хоть манитъ онъ взглядъ,
Этотъ ликующій цвѣтъ,
Смотришь—растенье, а можетъ быть—нѣтъ,
Алою кровью напившійся гадъ?

И много, и много отвратностей разныхъ,
Красивыхъ цвѣтовъ, и цвѣтовъ безобразныхъ,
Нахлынули, тянутся, въ мысляхъ—прибой,
Рожденный самою Судьбой.

Болиголовъ, наркозъ, съ противнымъ духомъ,—
Воронковидный вѣнчикъ бѣлены,
Затерто-желтый, съ сѣтью синихъ жилокъ,—

Съ оттѣнкомъ буро-краснымъ заразиха,
Съ покатою, шлемовидною губой,—
Подобный пауку, офрись, съ губою
Широкой, желто-бурою и красной,—
Колочее созданіе, татарникъ,
Какъ бы въ бронѣ крылоподобныхъ листьевъ,
Зубчатыхъ, паутинисто-шерстистыхъ,—
Дурманъ воночій,—смертвенный морозникъ,—
Цвѣты отравы, хищности, и тьмы,—
Мыльнянка, съ корневищемъ ядовитымъ,
Взлюбившая края дорогъ, опушки
Лѣсныя, и рѣчные берега,
Мѣста, что въ самой сущности предѣльны,
Цвѣтокъ любимый бабочекъ ночныхъ,—
Вороній глазъ, съ приманкою изъ ягодъ,
Отливно-цвѣтныхъ, синевато-черныхъ,—
Пятнадцатилучистый-сложный зонтикъ
Изъ ядовитыхъ бѣленькихъ цвѣтковъ,
Зовущихся—такъ памятно—цикутой,—
И липкія исчадія земли,
Ужасныя растенья-полузвѣри,—
Въ лѣнливыхъ водахъ, медленно-текущихъ,
Въ затонахъ, гдѣ стоячая вода,
Вся полная сосудцевъ, пузырчатка,
Капканъ для водной мелочи животной,
Предъ жертвой открываетъ тонкій клапанъ,
Замкнетъ ее въ тюремномъ пузырькѣ,
И уморитъ, и лакомится гнилью,—
Росянка, ждетъ, какъ воръ, своей добычи,
Орудіемъ уродливыхъ желѣзковъ,
И красныхъ волосковъ, такъ липко-клейкихъ,
Улавливаетъ мухъ, ихъ убиваетъ,
Удавливаетъ медленнымъ сжиманьемъ—
О крабъ-цвѣтокъ!—и сокъ изъ нихъ сосетъ,

Болотная причудливость,—растенье,
 Которое цвѣткомъ не хочетъ быть,
 И хоть имѣеть гроздь расцвѣтовъ бѣлыхъ,
 На гада больше хочетъ походить.
 Еще, еще, косматыя, сѣдя,
 Мохнатыя, жестокия виднѣя,
 Измышленная дьявольской мечтой,
 Чтобъ сердце въ достовѣрнѣйшемъ, въ послѣднемъ
 Убѣжищѣ, среди цвѣтовъ и листьевъ,
 Убить.

Кошмаръ! уходи, я рожденъ, чтобъ ласкать и любить!
 Для чаръ безпредѣльныхъ раскрыта душа,
 И все, что живетъ, расцвѣтая, спѣша,
 Привѣтствую, каждому—хочется быть,
 Кѣмъ хочешь, тѣмъ будешь, будь вольнымъ, собой,
 Ты черный? будь чернымъ, мой цвѣтъ—голубой,
 Мой цвѣтъ будетъ бѣлымъ на вышнихъ горахъ,
 Въ вертепахъ я веселья, я страшенъ впотьмахъ,
 Все, все я приемлю, чтобъ сдѣлаться Всѣмъ,
 Я слѣпъ былъ—я вижу, я глухъ былъ и нѣмъ,
 Но какъ говорю я—вы знаете, люди,
 А что я услышала, застывши въ безжалостномъ Чудѣ,
 Скажу, но не все, не теперь,
 Нѣтъ словъ, нѣтъ размѣровъ, ни знаковь,
 Чтобъ таинство блесковъ и мраковъ,
 Явить въ полнотѣ,—только мигъ—и закроется дверь,
 Песчинокъ блестящихъ я нѣсколько брошу,
 Желаненъ мнѣ ликъ человѣка, и боги, растенья, и птицы,
 и звѣрь.

Но свѣтлую ношу,
 Что въ сердцѣ храню,
 Я долженъ пока сохранять, я поклялся, я клялся Огню.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ЗЕМЛЯ“.

1.

Странный мѣръ противорѣчья,
 Каждый атомъ здѣсь иной,
 Беззавѣтность, безсердечье,
 Лютый холодъ, свѣтъ съ весной.

Каждый мигъ и каждый атомъ
 Ищутъ счастья вездѣ,
 Другъ за другомъ, братъ за братомъ,
 Молятъ, жаждутъ: „Гдѣ же? Гдѣ?“

Каждый мигъ и каждый атомъ
 Вдругъ съ себя свергають грусть,
 Любятъ, дышутъ ароматомъ,
 Шепчутъ: „Гибнемъ? Что же! Пусть!“

И мечтають, расцвѣтають,
 Нѣтъ предѣла ихъ мечтѣ.
 И внезапно пропадаютъ,
 Вдругъ исчезнуть въ пустотѣ.

О, безпутница, весталка,
 О, небесность, о, Земля!
 Какъ тебѣ себя не жалко?
 Кровью дышутъ всѣ поля.

Кровью дышуть розы, маки,
И дневныя двѣ зари.
Вѣчно слышенъ стонъ во мракѣ:—
„Въ гробѣ тѣсно! Отвори!“

„Помогите! помогите!“—
Что за странный тамъ мертвецъ?
Взялъ я нити, сплелъ я нити,
Рву я нити, есть конецъ.

Если вѣчно видѣть то же
Кто захочетъ видѣть сонъ?
Тѣмъ онъ лучше, тѣмъ дороже,
Что мгновенно зыбокъ онъ.

Ярки маки, маки съ кровью,
Ярки розы, въ розахъ кровь,
Льни безстрашно къ изголовью
Спи смертельно, встанешь ввовъ.

Для тебя же—мракъ забвенья,
Смерти прочная печать,
Чтобы въ зеркалѣ мгновенья
Ты красивымъ былъ опять.

Люди, травы, камни, звѣри,
Духи высшіе, что здѣсь,
Хоть въ незримой, близкой сферѣ,—
Міръ земной прекрасенъ весь.

Люди блѣдныя, и травы,
Камни, звѣри, и цвѣты,
Всѣ въ своемъ явленьи правы,
Всѣ живутъ для Красоты.

Всѣ въ великомъ сложномъ Чудѣ—
И творенье, и творцы,
Служатъ страсти звѣри, люди,
Жизнь идетъ во всѣ концы.

Всюду звѣри, травы, камни,
Люди, люди, яркій сонъ.
Нѣтъ, не будетъ никогда мнѣ
Жаль, что въ Мірѣ я рожденъ!

Всѣ вражды и всѣ нарѣчья—
Буквы свитка моего,
Я люблю противорѣчья,—
Какъ сверкнуть мнѣ безъ него!

2.

Мѣрно, размѣрно земное страданіе,
Хоть безпримѣрно по виду оно.
Вижу я въ зеркалѣ сновъ и мечтанія,
Вижу глубокое дно.
Вѣчно есть вечеръ, съ нимъ свѣтъ обаянья,
Въ новомъ явленьи мечты и огни.

Въ тихіе лѣтніе дни
Слышится въ воздухѣ лѣтнемъ жужжанье,
Гуль голосовъ,
Звонъ и гудѣнье, какъ будто бы пѣнье
Тысячъ, о, нѣтъ, мириадъ комаровъ.
Нѣтъ ихъ межъ тѣмъ въ глубинѣ отдаленья,
Нѣтъ и вблизи. Это сонъ? Навожденье?
Это—подъяте воздушныхъ столбовъ.
Полосы воздуха вверхъ убѣгаютъ,
Полосы воздуха нѣжно сверкають,

И непрерывность гудѣнья слагаютъ,
Улей воздушный въ садахъ облаковъ.

Мука долга, но короче, короче,—
Души предчувствуютъ лучше дни.
Въ свѣтлыя зимнія ночи
Въ Небо взгляни.
Видишь созвѣзды, и ихъ постоянства?
Видишь ты эту бездонность пространства?
Въ этихъ моряхъ есть свои жемчуга,
Души тамъ носятся въ пляскахъ навѣки,
Вихри тамъ просятся въ звѣздныя рѣки,
Всплески созвѣздныя бьютъ въ берега.
Чу, лишь сознанію внятныя струны,
Съ солнцами солища, и съ лунами луны,
Моря планетнаго мчатся буруны,
Твердость Эвира лучами сверля,—
Марсы, Венеры, Вулканы, Нептуны,
Вотъ! Между ними—Земля!
Гдѣ же всѣ люди? Ихъ нѣтъ. Все пустынно.
Все такъ духовно, согласно, причинно,
Нѣтъ человѣковъ нигдѣ.
Только твоя гениальность сознанья,
Сердца бездоннаго съ сердцемъ слиянье,
Звѣзднаго моря во виѣ изліянье,
Пѣсня звѣзды къ отдаленной звѣздѣ.
Полосы, полосы вѣчнаго Свѣта,
Радостной тайною Небо одѣто,—
Близко такъ стало, что было вдали.
Непостижимо-прекрасное чудо:—
Мчимся туда мы, ниспавши оттуда.
Въ глыбахъ безцвѣтныхъ—восторгъ изумруда,
Майская сказка Земли.

ИЗЪ КНИГИ
„ФЕЙНЫЯ СКАЗКИ“

ПРОГУЛКА ФЕИ.

Фея въ садъ гулять пошла,
Такъ нарядна и свѣтла
Говорить съ цвѣтами,
Ей цвѣты: Будь съ нами.

Фея, будь, какъ мы, цвѣтокъ,
Развернись какъ лепестокъ.
Будь рябинкой дикой,
Или павиликой.

Будь аютинымъ глазкомъ,
Или синимъ василькомъ.
Иль еще, малюткой,
Синей незабудкой.

Прилетитъ на лепестокъ
Желтокрылый мотылекъ,
Хоботкомъ коснется,
Фея улыбнется.

Прилетитъ къ тебѣ пчела,
Прожужжитъ: не бойся зла,
Я лишь пыль собираю,
Медъ приготавливаю.

Покачнувъ на тынѣ хмѣль,
 Прогудить мохнатый шмель:—
 Ну-ка поцѣлю
 Фею молодую.

А когда придетъ закатъ,
 Всѣ цвѣты проговорятъ:—
 Въ росахъ умываться,
 Спать приготавливаться.

Фея слушала цвѣты,
 Фея нѣжила листы,
 Но, сама причуда,
 Прочь пошла отсюда.

Или я на мотылька
 Промѣняю свѣтлячка?
 Не хочу мѣняться—
 И давай смѣяться.

Скрылась въ замокъ подъ листкомъ,
 Забавлялась съ свѣтлякомъ.
 Цвѣтикомъ не стала,
 Звонко хохотала.

БЕЗПОРЯДКИ У ФЕИ.

Сегодня майскіе жуки
 Не въ мѣру были громки,
 И позабыли червяки
 Мнѣ освѣтить потемки.

Пошла бранить я свѣтляка,
 Чтобъ не давать поблажки.
 Споткнулась вдругъ у стебелька
 Ромашки или кашки.

И вотъ лежу я и гляжу,
 Кто черный тамъ крадется,
 Никакъ ума не приложу,
 А сердце бьется, бьется.

И молвилъ кто-то грубо такъ:—
 „Послушай-ка, глядитка“.
 Тутъ лампочку зажегъ свѣтлякъ,
 И вижу я—улитка.

Ползеть, разставила рога,
 Вся мокрая такая.
 „Ступай“, сказалъ свѣтлякъ, „въ луга“,
 Слегка ее толкая.

А я ему: „Вина твоя!
 „Гдѣ былъ? Въ гостяхъ у мухи?“
 И въ эту ночь заснула я
 Совсѣмъ—совсѣмъ не въ духъ.

ФЕЯ ВЪ ГНѢВѢ.

Фея въ печку поглядѣла,
 Пламя искрилось и рдѣло,
 Уголечки отъ осины
 Были ярки какъ рубины.

И сказала Фея: Если,
 Здѣсь, предъ пламенемъ горящимъ,
 Я сижу въ узорномъ креслѣ,
 И довольна настоящимъ,—

Вѣчно ль буду я довольна,
 Или кратокъ будетъ срокъ?
 И вскричала тотчасъ: Больно!—
 Паль ей въ ноги уголекъ.

Фея очень разсердилась,
 Кресло быстро откатилось,
 Отыскавъ въ углу сандала,
 Фея ножку врачевала.

И разгнѣвавшись на печку,
 Призываетъ фея гнома,
 Приказала челоуѣчку
 Дѣлать что ему знакомо.

Тоть скорѣ сыпать сажи,
Все погасло въ быстрый срокъ,
Такъ темно, что страшно даже,
Быль наказанъ уголекъ.

ТРИ ПЕСЧИНКИ.

„Что можно сдѣлать изъ трехъ песчинокъ?“
Сказала какъ-то мнѣ Фея водъ.
Я далъ букетикъ ей изъ былиннокъ,
И въ трехъ песчинкахъ ей далъ отчетъ.

Одну песчинку я брошу въ Море,
Ей будетъ любо тамъ въ глубинѣ.
Другая будетъ въ твоємъ уборѣ,
А третья будетъ на память мнѣ.

ШЕЛКОВИНКА.

Изъ тонкой шелковинки я ниточку пряду.
 По тонкой шелковинкѣ тебя я поведу.
 Кусочекъ перламутра—лампадочка моя.
 Въ жемчужные покои войдемъ мы, ты и я.

Я тамъ тебѣ открою атласную кровать,
 И бабочки намъ будутъ воздушно танцовать.
 И тонко такъ, хрустально, подобные ручью,
 Намъ часики смѣшные споятъ: „Баю-баю“.

СНѢЖИНКИ.

На дѣтскую руку упали снѣжинки,
 На маломъ мизинчикѣ восемь ихъ было число.
 Различную форму являли пушинки,
 И всѣ такъ мерцали воздушно-свѣтло.
 Вотъ крестики встали, вотъ звѣзды мелькнули,
 Какъ мягокъ сквозистый ихъ свѣтъ.
 Но дѣтскіе пальчики чуть шевельнули,—
 И больше ихъ нѣтъ.

изъ книги
„ЗЛЫЯ ЧАРЫ“

МОСКВА
1906

СВѢТЪ ВЕЧЕРНІЙ.

Твой вечеръ настанеть, и вмѣсто всемірности вольнаго
свѣта,
За Солнцемъ погасшимъ, затеплишь ты въ тѣсномъ покоѣ
свѣчу.

Твой вечеръ настанеть. Кончается лѣто.
За лѣтомъ? За осенью? Что тамъ? Молчу.
Мы любимъ, хотя намъ и жутко отъ тѣни,
Мы любимъ законченность комнатъ знакомыхъ съ
узоромъ нѣмыхъ половиць.

Крыльцо на запорѣ. Не хрустнуть. ступени.
Нѣмыя.

Дрожать на стѣнѣ, какъ живыя,
Отраженья движеній.

И въ странномъ, въ какомъ-то церковномъ, сближены
сочетаются блѣдности лицъ.

Безъ звука веселій,

Глаза утопаютъ въ глазахъ.

Что скрыто въ нихъ безднахъ? Въ нихъ духи сейчасъ
пролетѣли?

Въ нихъ омутъ печали? Въ нихъ сказка свиданія? Страхъ?
Никто не придетъ къ намъ. На версты кругомъ

закружились завѣи-мятели.

Не плачь и не бойся. Въ затѣяхъ-завѣяхъ мы тонемъ,
но свѣтимъ, какъ звѣзды въ ночахъ.

ПОЛНОЧНЫЙ ЧАСЪ.

Полночный часъ. Вѣдовски-страшный часъ.
 День схороненъ. И вновь родится сложность.
 Разъять восторгъ и пытку—невозможность.
 Изъ вышнихъ безднъ глядитъ бездонность глазъ.

Какъ жутко мнѣ. Вотъ глуше все и тише.
 И вѣянье я слышу въ тишинѣ.
 Такъ бархатно. Какъ будто льнетъ ко мнѣ
 Беззвучное крыло летучей мыши.

ОРГІЯ ЖИЗНИ.

Орель точитъ когти. Крадется волкъ прерій.
 Сова направляетъ окольный полетъ.
 Безжалостны птицы. Безъ жалости звѣри.
 Безжалостность—свойство всѣхъ тѣхъ, кто живетъ.

Верховные гени этого міра,
 Зарѣзаннымъ горломъ мы кормимъ свой день.
 Намъ трупы животныхъ—улада для пира,
 Тутъ нѣжная дѣва—безчувственный пенъ.

Нерѣдко мы думаемъ, будто растенья
 Суть алость улыбки и нѣжный цвѣтокъ.
 Нѣтъ, въ мірѣ растеній—борьба, убійенъ,
 И петли ихъ усиковъ—страшный намекъ.

Ухватятъ, удушатъ, ихъ корни лукавы,
 И цвѣтъ орхидеи есть ликъ палача.
 Люблю я растенья, но травы—удава,
 И тонкость осоки есть тонкость меча.

ТРИНАДЦАТЬ СЕСТЕРЪ.

Сестры, сестры, Лихорадки,
 Поземельный взбитый хоръ!
 Мы въ аду играли въ прятки.
 Будеть! Кверху! Безъ оглядки!
 Порадѣть хоръ сестеръ.

Мы остудимъ, распростудимъ,
 Разогрѣемъ, разомнемъ.
 Мы проворны, ждать не будемъ.
 Сестры! Сестры! Кверху! Къ людямъ!
 Вотъ, мы съ ними! Ну, начнемъ.

Цѣпко, крѣпко. Лихорадки,
 Снова къ играмъ, снова въ прятки.
 Человѣкъ забава намъ.
 Сестры! Сестры! По мѣстамъ!
 Всѣ тринадцать—съ краснобаемъ.
 Гдѣ онъ? Живъ онъ? Начинаемъ.

Ты, Тряся, дай ему
 Потрястись, попавь въ тюрьму.

Ты, Огня, боль продли,
 Прахъ земли огнемъ пали.

Ты, Ледея, такъ въ ознобъ
 Загони, чтобъ зналъ онъ гробъ.

Ты, Гнея, дунь на грудь,
 Камнемъ будь, не дайдохнуть.

Ты, Грудя, на груди,
 Лишку, вдвое погоди.

Ты, Глухя, плюнь въ него,
 Чтобъ не слышалъ ничего.

Ты, Ломя, кости гни,
 Чтобы хрустнули они.

Ты, Пухня, знай свой срокъ,
 Чтобъ опухъ онъ, чтобъ отекъ.

Ты, Желтя, въ свой чередъ,
 Пусть онъ, пусть онъ расцвѣтетъ.

Ты, Корчя, вслѣдъ иди,
 Ручки, ноженьки сведи.

Ты, Глядя, встань какъ бѣсъ,
 Чтобы сонъ изъ глазъ исчезъ.

Ты, Сухя, онъ ужъ плохъ,
 Сдѣлай такъ, чтобъ весь изсохъ.

Ты, Невея, всѣмъ сестра,
Пропляши ему „Пора“.

Въ Человѣкъ нѣтъ догадки,
Цѣпки, крѣпки Лихорадки.
Всѣхъ Сестеръ тринадцать насъ.
Сестры! Книзу! Конченъ часъ!

СВЯТОЙ ГЕОРГІЙ.

Святой Георгій, убивъ Дракона,
Взглянулъ печально вокругъ себя.
Не могъ онъ слышать глухого стона,
Не могъ быть свѣтлымъ—лишь свѣтъ любя.

Онъ съ легкимъ сердцемъ, во имя Бога,
Копье намѣтилъ и поднялъ щитъ.
Но мыслей встало такъ много, много,
И онъ, сразивши, сраженъ, молчитъ.

И конь святого своимъ копытомъ
Ударилъ гнѣвно о край пути.
Сюда онъ прибылъ путемъ избитымъ.
Куда отсюда? Куда идти?

Святой Георгій, святой Георгій,
И ты извѣдалъ свой высшій часъ!
Предъ сильнымъ Змѣемъ ты былъ въ восторгѣ,
Предъ мертвымъ Зміемъ ты вдругъ погасъ!

БЛИЗЬ СИНЯГО КАМНЯ.

Близь Синяго камня песокъ золотой,
Песокъ золотой, измельченный Водой.

Вода—голубая, прозрачная днемъ,
И черная, злая во мракѣ ночью.

Близь Синяго камня песокъ золотой,
И падаетъ съ Неба звѣзда за звѣздой.

Вода умножаетъ и точитъ песокъ,
А Камень все тотъ же, и путь все далекъ.

Пути всѣ далеки для тѣхъ, кто идетъ,
Пескомъ измельченнымъ, надъ сказкою водъ.

И вѣчно все тотъ же песокъ золотой,
Близь Синяго камня, надъ вѣчной Водой.

ЗОРЯ-ЗОРИНИЦА.

ЗАГОВОРЪ.

Зоря-Зоряница,
Красная Дѣвица,
Красная Дѣвица, полуночица.
Красныя губы,
Бѣлыя зубы,
Свѣтлыя кудри, свѣтлоочица.
Всѣ ли вы, Зори,
Въ красномъ уборѣ,
Съ кровавыми лентами, рдяными?
Вѣчно ли крови
Встари и вновь,
Розами быть надъ туманами?
Зоря-Зоряница,
Красная Дѣвица,
Будь ты моею защитою,
Отъ вражіей силы,
Довременной могилы,
И отъ жизни, тоскою повитою.
По какому нитью,
Рудожелтою нитью,
Ты, иглой золотою, проворною

Вышиваешь со славой,
 Пеленую кровавой
 Свой узорь надъ трясиною черною?
 Чудо-Дѣвица,
 Зоря Зоряница,
 Зоря Зоряница прекрасная!
 Хочется ласки,
 Мягкости въ краски,
 Будеть ужь, искрилась красная.
 Нить, оборвись,
 Кровь, запекись,
 Будеть намъ, ужь будетъ этой алости.
 Или ты, Зоря,
 Каждый день горя,
 Такъ и не узнаешь нѣжной жалости?

ДРАКОНИТЬ.

Темный камень драконить
 Ужь не такъ хорошъ на видъ.
 Изумрудъ его нѣжнѣй,
 Въ бриллиантѣ свѣтъ сильнѣй.
 И нѣжнѣй его опаль,
 И рубинъ предъ нимъ такъ аль.
 И однако драконить
 Тѣмъ хорошъ, что вѣрно мстить.
 Чтобъ достать его, дождись,
 Какъ ущербный Мѣсяцъ внизъ,
 Надъ пещерой колдовской,
 Желтой выгнется дугой.
 Тамъ Драконъ въ пещерѣ спить,
 Въ мозгъ звѣря драконить.
 Гибокъ Змѣй, но мозгъ его
 Неуклоннѣе всего.
 Мозгъ Дракона весь въ узлахъ,
 Желтый въ нихъ и бѣлый страхъ.
 Красный камень и металлъ
 Въ нихъ не разъ захохоталъ.
 Темный въ этомъ мозгѣ сонъ,
 Черной цѣпью скованъ онъ.

Желтый Мѣсяцъ внизъ глядѣть.
 Вотъ онъ, камень драконить.
 Тише, тише, подходи,
 Въ снѣ дракона не щади.
 Замерь въ грезѣ онъ своей,
 Мѣтко цѣлся, прямо бей.
 Поразивъ его межъ глазъ,
 Мозгъ исторгни, и сейчасъ
 Предъ тобою заблеститъ
 Страшный камень драконить.
 Съ этимъ камнемъ—на врага.
 Рѣки бросяъ берега,
 И хоть будь твой врагъ великъ,
 Онъ въ водѣ потонетъ въ мигъ.
 Этотъ камень-амулетъ
 Много дастъ тебѣ побѣдъ.
 Вѣщій камень драконить,
 Зеленѣя, мѣтко мститъ.
 Этимъ камнемъ подъ Луной
 Поиграй во мглѣ ночной,
 Дальній врагъ твой ощутишь,
 Мститъ ли камень драконить.

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА ГРОЗЪ.

Красной калиной покой свой убравъ,
 Принеся въ него много лѣсныхъ стрѣловидныхъ, какъ
 будто оточенныхъ, травъ,
 Я смотрю, хорошо ль убрана моя хата,
 И горитъ ли въ ней серебро, ярко ли злато.
 Все какъ и нужно кругомъ.
 Мысли такія же въ сердцѣ, сверкаютъ, цвѣтятся огнемъ,
 Сердце колдуетъ —
 Что это? Что это тамъ за окномъ?
 Дрогнула молнія въ небѣ! Темнѣетъ оно. Негодуетъ.
 Или довольно, что въ этомъ вотъ сердцѣ пожаръ?
 Вѣтеръ прерывисто дуетъ.
 Громъ.
 Гулко гремитъ за ударомъ ударъ.
 Длится размахъ грозового раската.
 Свѣтится золотомъ малая хата.
 И, опоясанъ огнемъ,
 Въ брызгахъ, въ изломахъ червленого злата,
 Въ рокотахъ струнъ,
 Сѣя алмазы продольнымъ дождемъ,
 Въ радостяхъ бури, въ восторгѣ возврата,
 Мчится—Перунъ.

ИЗЪ КНИГИ
„ЖАРЪ-ПТИЦА“

МОСКВА
1907

ЗАГОВОРЪ НА ЗЕЛЕНУЮ ДУБРОВУ.

Я по острову хожу,
Черезъ всё лѣса гляжу,
По прогалинамъ и мракамъ,
По оврагамъ, буеракамъ,
Дубъ, береза, липа, ель,
Ива, жимолость, и хмѣль,
И калина, и рябина,
И дрожащая осина.
Я по всёмъ гляжу вѣтвямъ,
По листьямъ, и по цвѣтамъ,
Я зову мою дуброву,—
Быть бы живу мнѣ, здоровью:—
Подступяся къ ней, звѣрь и гадъ,
Чтобъ сейчасъ же шли назадъ,
Чтобъ не шли къ намъ люди злые,
Вѣдьмы, вихри, водяные,
Чтобъ въ дубровѣ, подъ листвою,
Самъ себѣ я былъ большой,
Чтобы листья мнѣ въ шуршаньи,
Были въ тихомъ послушаньи,
Чтобы легкій вѣтеръ къ намъ
Шель, танцуетъ, по верхамъ.

ЗАГОВОРЪ НА ТРИДЦАТЬ ТРИ ТОСКИ.

Тамъ на морѣ Океанѣ,
 Тамъ на островѣ Буянѣ,
 Свѣтитъ Камень Алатырь,
 А кругомъ и даль и ширь.
 На огнѣ тамъ есть доска,
 На доскѣ лежитъ тоска,
 Не одна тоска, смотри,
 Не одна, а тридцать три.
 И мечутся тоски,
 Кидаются тоски,
 И бросаются тоски,
 Вдоль дороги, вдоль рѣки.
 Черезъ всѣ пути-дороги,
 Черезъ горы крутороги,
 Перепутьемъ и путемъ,
 Мчатся ночью, мчатся днемъ.
 Дѣва смотритъ вдоль рѣки,
 Вы мечитесь къ ней, тоски,
 Къ дѣвѣ киньтесь вы, тоски,
 Опрокиньтесь вы, тоски.
 Киньтесь въ очи, бросьтесь въ ликъ,
 Чтобы мѣръ въ глазахъ поникъ,

И въ сахарныя уста,
 Чтобъ страдала красота.
 Чтобы молодецъ былъ ей
 Свѣта бѣлаго милѣй,
 Чтобы солнце ослѣпилъ
 Чтобы мѣсяцемъ ей былъ.
 Такъ, не помня ничего,
 Чтобъ плясала для него,
 Чтобы тридцать три тоски
 Были въ пляскѣ позвонки,
 Чтобъ кидалася она,
 И металася она,
 И бросалася она,
 И покорна, и нѣжна.

ЖЕРНОВА.

Вертитесь, обращайтесь,
 Мои жернова.
 Литовская пѣсня.

Вертитесь, обращайтесь,
 Мои жернова.
 Вы, мысли, разрѣшайтесь
 Въ пѣвучія слова.
 Въ душѣ есть тоже зерна,
 И долго и упорно
 Таятся зерна тѣ
 Въ душевной темнотѣ.

Но мракъ души не вѣченъ,
 Восходятъ зелена.
 О, милый, ты отмѣченъ
 Тамъ въ сердцѣ у меня.
 Вотъ стебли зеленѣють,
 Желтѣють и полнѣють,
 Густѣеть ихъ толпа,
 И мирно ждетъ серпа.

Красиво жнется нива,
 Красивъ склоненный жнецъ,

О, все въ тебѣ красиво,
 И мой ты наконецъ.
 Лежать снопы рядами,
 Блестять они предъ нами,
 Наполнены воза,
 Любуются глаза.

Вы, зерна, возвращайтесь,
 Ужь мельница жива.
 Вертитесь, обращайтесь,
 Мои жернова.
 Безъ друга, молодая,
 На мельницѣ была я,
 Вдвоємъ зерно дроблю,
 Люблю тебя, люблю.

ТРАВА-КОСТЕРЬ.

Есть трава—ростеть
 Возлѣ тихихъ рѣкъ.
 И не каждый годъ
 Та трава цвѣтетъ,
 А когда придетъ
 Человѣкъ.

Ростъ ея—стрѣла,
 И красивъ узоръ.
 Та трава была
 Много разъ свѣтла,
 Снова расцвѣла,
 Какъ костеръ.

И горитъ огонь
 Возлѣ тихихъ рѣкъ.
 Мчится красный конь,
 Ржетъ, поетъ: не тронь,
 Не хватай огонь,
 Человѣкъ.

Съ ржаньемъ конь скакаль,
 Убѣжалъ въ просторъ.

Ярко промелькаль.
 Былъ расцвѣтно-аль,
 Возлѣ рѣкъ сверкаль
 Цвѣтъ-костеръ.

И свѣтла была
 Влага тихихъ рѣкъ.
 Въ мѣрѣ вѣсть прошла,
 Что трава цвѣла:—
 Былъ здѣсь, въ мѣрѣ зла,
 Человѣкъ.

ГЛУБИННАЯ КНИГА.

Восходила отъ Востока туча сильная, гремучая,
 Туча грозная, великая, какъ жизнь людская—длинная,
 Выпала въ вѣстѣ съ громомъ Книга Праотцевъ могучая,
 Книга-Исповѣдь Глубинная,
 Тучей брошенная намъ,
 Растянулась, распростерлась по равнинамъ, по горамъ.
 Долины та Книга будетъ—описать ее нельзя,
 Поперечина—помѣрай, истомить тебя стезя,
 Буквы, строки—чаши лѣса, расцвѣченные кусты,
 Эта Книга—изъ глубинной, безпричинной высоты.
 Къ этой Книгѣ, ко божественной,
 Въ день великій, въ часъ торжественный,
 Сохотились сорокъ мудрыхъ и царей,
 Сорокъ мудрыхъ и несчетность разномыслящихъ людей.
 Царь Всеславъ до этой Книги доступнается,
 Съ нимъ вѣдунъ-пѣвецъ подходитъ Свѣтловзоръ,
 Передъ ними эта Книга разгибается,
 И глубинное писанье расцвѣчается,
 Но не полно означается узоръ.
 Велика та Книга—взять такъ не поднять ее,
 А хотя бы и поднять,—такъ не сдержатъ ее,
 А ходить по ней—не выходить картинную,
 А читать ее—прочестъ ли тьму глубинную.

Но вѣдунъ подходитъ къ Книгѣ, Свѣтловзоръ,
 И подходитъ царь Всеславъ, всепобѣдительный,
 Духъ у нихъ, какъ и у всѣхъ, въ тѣлесный скрывать
 цвѣтной уборъ,
 Но другимъ всѣмъ не въ примѣръ, горить въ нихъ свѣтъ
 нездѣшній, длительный.
 Царь Славянскій вопрошаетъ, отвѣчаетъ Свѣтловзоръ:—
 „Отчего у насъ зачался бѣлый вольный свѣтъ,
 Но доселѣ, въ долги годы, въ людяхъ свѣта нѣтъ?
 Отчего у насъ горитъ Солнце красное?
 Мѣсяцъ свѣтель серебрить Небо ясное?
 Отчего сияютъ ночью звѣзды дружныя,
 А при звѣздахъ все глубоки ночи темныя?
 Зори утренни, вечернія—жемчужныя?
 Дробень дождикъ, вѣтры буйныя—бездомныя?
 Отчего у насъ умъ—разумъ, помышленія?
 Миръ—народъ, какъ Море, сумрачный всегда?
 Отчего всей нашей жизни есть круженіе?
 Ниши кости, наше тѣло, кровь-руда?“

И вѣдунъ со взоромъ свѣтлымъ тяжело дышалъ,
 Передъ Книгою Глубинной онъ отвѣтъ царю держалъ.

„Бѣлый свѣтъ у насъ зачался отъ хотѣнья Божества,
 Отъ великаго, всемірнаго Воленія.
 Люди жъ темны оттого, что воля свѣта въ нихъ мертва,
 Не хотятъ въ душѣ слышать вѣчность пѣнія.
 Солнце красное—отъ Божяго пресвѣтлаго лица,
 Мѣсяцъ свѣтель—отъ играющей Божественной мечты,
 Звѣзды частыя—отъ ризъ его, что блещутъ безъ конца,
 Ночи темныя,—отъ Божьихъ думъ, отъ Божьей темноты.
 Зори утренни, вечернія—отъ Божьихъ жгучихъ глазъ,
 Дробень дождикъ—отъ великихъ, отъ повторныхъ слезъ
 Его,

ЯРИЛО.

Въ вѣнкѣ изъ весеннихъ цвѣтовъ,
 Цвѣтовъ полевыхъ,
 Свѣянъ вѣщаньями прошлыхъ вѣковъ,
 Въ одеждахъ волнистыхъ, красиво-живыхъ,
 На бѣломъ конѣ,
 Тропою своей,
 Я ѣду, Ярило, среди Бѣлорусскихъ полей,
 И звѣздныя росы сіяютъ на мнѣ,
 Погаснуть, и снова зажгутся свѣтлѣи,
 Подъ рокоть громовъ,
 Въ вѣнкѣ изъ весеннихъ цвѣтовъ,
 Цвѣтовъ полевыхъ.

По селамъ, за мной, хороводами, дѣвы,
 „Ярило“, поютъ, „озари намъ напѣвы“,
 Яриль слагаютъ свой стихъ,
 Играютъ мнѣ пѣсни, на игрищахъ пляшутъ,
 Сердца расцвѣтаютъ въ мигъ пляски мірской,
 Тамъ гдѣ-то работаютъ, гдѣ-то тамъ пашутъ,
 А игрища—въ уровень съ бѣлой сохой.
 Горсть желтыхъ колосьевъ, колосья ржаные,
 Я лѣвой рукою держу,
 И маки горять, васильки голубые
 Роняю я въ рожь, расцвѣчаю между.

По селамъ, въ ихъ избахъ, и тѣсныхъ и узкихъ,
 Въ поляхъ безпредѣльныхъ, по имени—Русскихъ,
 Являюсь я взору, и грезѣ во снѣ,
 Я между живыхъ—какъ дающій забвенье,
 Для нихъ—я видѣнье
 На бѣломъ конѣ,
 Мигъ страсти, богъ счастья, богъ отдыховъ плѣнныхъ,
 И вновь пробуждений и игрищъ живыхъ,
 Въ вѣнкѣ изъ весеннихъ цвѣтовъ, не надменныхъ,
 Но вѣчно-желанныхъ цвѣтовъ полевыхъ.

БОГИНЯ-ГРОМОВНИЦА.

Дѣвица волшебная, богиня Громовница,
 Моя полюбовница
 Лежала въ гробу.
 И вѣтры весенніе плакали жалостно,
 И съ воплями, яростно,
 Играли на флейтахъ, и дули въ трубу.

Покойница юная—о, съ косами русыми,
 И съ рдяными бусами
 На шеѣ своей—
 Бѣлѣла застылая, словно дремотная
 Купава болотная,
 Что еле раскрылась среди камышей.

Дѣвица волшебная, богиня Громовница,
 Душа-полюбовница,
 Ты крѣпко ли спишь?
 Ужели ты вновь не исполнишься силою
 Предъ богомъ Ярилою,
 Не встрепенешь со смѣхомъ, разрушивши тишь?

Проснулась, проснулась ты! Я молньями рдяными
 Взмахнулъ надъ туманами,
 О, славо мечу!
 Какая ты свѣтлая съ этими маками,
 Ты мчишься надъ мраками,
 Ворчатъ твои громы, рычатъ они. Чу!

РУЕВИТЬ.

У Руевита семь мечей
 Висить, въ запасъ, въ ножнахъ.
 У Руевита семь мечей,
 Восьмой въ его рукахъ.

У Руевита семь есть лицъ,
 Что зрима надъ землей.
 А для боговъ, пѣвцовъ, и птицъ
 Еще есть ликъ восьмой.

У Руевита семь есть дней,
 Чтобъ праздновать расцвѣтъ.
 А день восьмой есть день огней,—
 Есть день рѣзни и бѣды.

У Руевита семь ночей
 Для игрищъ и любви.
 У Руевита семь мечей,
 Чтобъ ихъ омыть въ крови.

ЦАРЬ ОГНЕННЫЙ ЩИТЬ.

Царь Огненный Щить, на конѣ восьминогомъ,
Надъ міромъ поставленный богомъ Бѣлбогомъ,
Съ Востока на Западъ проходитъ свой путь.
И конь его—бѣлый, и конь его—смѣлый,
Едва только, въ знойностяхъ, міръ онѣмѣлый
Коня запримѣтитъ—и можетъ вздохнуть.

Царь Огненный Щить выпиваетъ всѣ росы,
И сушитъ дороги, и жжетъ онъ откосы,
И влага восходитъ къ нему изъ морей.
Но конь его съ каждою каплею влаги
Все больше въ себѣ ощущаетъ отваги,
Ростетъ восьминогой громадой своей.

Ростетъ, подвигаясь по небу съ Востока,
Мгновеньями вспыхнетъ огромное око,
И огненный броситъ надъ міромъ изломъ.
Ростетъ, надвигаясь, и странно темнѣетъ,
Мѣняется въ цвѣтъ, густѣетъ, чернѣетъ,
И чу, подъ копытами рушился громъ.

Царь Огненный Щить, вознесясь до зенита,
Замедлил, подумалъ, и глянулъ сердито,
Онъ поднялъ коня на дыбы, и глядитъ.
Вотъ дернулъ за поводъ, и грянули громы.
Для жаждущихъ—внизъ сорвались водосмы,
И вдвое свѣтлѣе Царь Огненный Щить.

ВЕЛЕСЬ.

Волось, Велесь, богъ пышныхъ стадъ,
Богъ изумрудностей въ Апрѣлѣ,
Прими—не грозовой раскатъ,
Текучесть льющихся руладъ
Моей пастушеской свирѣли.

Богъ мирныхъ дней,—Велесь, Волось,
Ужь въ нашихъ долахъ отшумѣли
Игранья первыхъ громкихъ грозъ,
И стебли свѣтлые овесъ
Понть росой подъ звукъ свирѣли.

Богъ нѣжныхъ травъ, Волось, Велесь,
Ты кроткій другъ забавъ при дѣлѣ,
Ты пращуръ мой, ты духъ чудесъ,
Ты дѣдъ Баяна. Чу, какъ лѣсъ
Поеть подъ звукъ моей свирѣли.

Богъ сочныхъ травъ, Велесь, Волось,
Твои луга не оскудѣли,
Звенить и свѣтить сѣнокосъ,
Чу, сколько пѣсенъ понеслось
Въ отвѣтъ на зовъ моей свирѣли.

Богъ тучныхъ нивъ, Волось, Велесь,
 Въ честь бога—жатвы подоспѣли,
 И межъ цвѣтами, въ честь Небесъ,
 Кустъ ржи завитый не исчезъ,
 Закрутъ воскресъ, подъ звукъ свирѣли.

Чу, колокольчики звенять
 Нѣжнѣй, чѣмъ гомонъ птицъ въ Апрѣль,
 Стада идутъ съ возами въ рядъ,
 Волось, Велесь, богъ пышныхъ стадъ,
 Годъ спѣтъ. Домой, подъ зовъ свирѣли.

ЛѢСЪ.

1.

Пробуждается съ весною,
 Переливную волною
 Зеленѣть на вѣтвяхъ.
 Отзовется гулкимъ эхомъ
 Крикомъ, гиканьемъ, и смѣхомъ,
 Для потѣхи будить страхъ.

Кружить, манить, и заводить,
 Въ разныхъ обликахъ проходить,
 Съ каждымъ разное всегда.
 Малой травкой—на опушкѣ,
 Въ старомъ борѣ—до верхушки,
 Вона, вонъ гдѣ борода.

Лапти вывернулъ, и правый
 Вмѣсто лѣвого, лукавый,
 Усмѣхаясь, натянулъ.
 То же сдѣлалъ и съ другою,
 Въ лапоть скрытою, ногою,
 И пошелъ по лѣсу гуль.

То же сдѣлалъ и съ кафтаномъ,
И со смѣхомъ, словно пьянымъ,
Застегнулъ наоборотъ.
Въ разнополость нарядился,
Въ человѣчій ликъ вмѣстился,
Какъ мужикъ идетъ, поеть.

Лишь спроси его дорогу,
Ужь помолишься ты Богу,
Ужь походишь по лѣсамъ.
Тотъ же путь сто разъ измѣришь,
Твердо въ Лѣшаго повѣришь,
Будешь вѣрить старикамъ.

2.

Гулко въ зеленомъ лѣсу откликается,
Въ чащахъ темнѣетъ, покуда смеркается,
Смотрить въ сплетенныхъ кустахъ.
Прячется, кажется, смутнымъ видѣніемъ,
Гдѣ-то тамъ, съ шопотомъ, съ хохотомъ, съ пѣніемъ,
Съ шорохомъ быстрымъ возникнетъ въ листьяхъ.
Лапчатой слью отъ взора укроется,
Встанетъ, и въ ростъ внезапно удвоится,
Вспрыгнетъ, и съ трескомъ обломится сукъ.
Вырость, съ вершиной шурша обнимается,
Сразу на многихъ деревьяхъ качается,
Тянется тысячу рукъ.
Вотъ отовсюду качанья и ропоты,
Тѣни, миганія, шорохи, шопоты,

Кто-то, кто долго былъ мертвымъ, воскресъ.
Что-то, что было въ беззвучномъ, въ неясности,
Стало грозящимъ въ своей многогласности,—
Лѣсь!

3.

Смотрить изъ тихихъ озеръ,
Манить въ безгласную глубину,
Вѣтви сплетаетъ въ узоръ.
— Лѣсь, приголубь!

Тянетъ войти въ изумрудъ,
Съ пыльнаго манить пути,
Въ глушь, гдѣ деревья цвѣтутъ.
— Лѣсь, защити!

Шепчетъ иссчетной листвою,
Моремъ зеленыхъ пустынь.
Лѣсь, я такой же лѣсной,
— Лѣсь, не покинь!

СОВА.

Сова, кто смотрѣлъ въ твое круглое желтое око,
 Тотъ знаетъ великую тайну чудесъ.
 Не царила ли ты въ Небесахъ? Въ ихъ провалахъ нѣмыхъ,
тамъ высоко,
 Въ бездонностяхъ синихъ донынѣ твой знакъ не исчезъ.
 Кто въ полночь читалъ подь ущербной Луною
 Пожелтѣвшую лѣтопись дней,
 Тотъ меня понимаетъ безъ словъ, и сейчасъ онъ со мрюю,
 Надъ одной мы строкою,
 Въ пѣснѣ моей
 Въ струнѣ мы одной, что во славу Вселенной бряцаеть.

О, мудрая птица, чей взоръ темноту проникаеть,
 Въ ночи, гдѣ дневные не видять ни зги,
 Ты сидѣла на страшной избушкѣ Яги,
 Ты глядѣла въ глаза благородной Аеины,
 Ты была за плечами у всѣхъ колдуновъ,
 Ты крыломъ прорѣзаешь ночныя долины,
 Навѣвая видѣнья вѣщательныхъ сновъ
 На вѣдовскіе стебли полночныхъ цвѣтовъ,
 Отъ которыхъ принявъ дуновение, мракъ
 Нашимъ снамъ сообщаетъ твой знакъ,—

Я знаю, когда-нибудь въ безднахъ, далеко,
 Погаснетъ Свѣтило кружащихся дней,
 Но въ новыхъ ночахъ первозданныхъ, въ смѣшеніи тьмы
и огней,
 Предъ творчествомъ новымъ зажжется, сквозь Хаосъ,
безмѣрное желтое око.

ИЗЪ КНИГИ
„ПТИЦЫ ВЪ ВОЗДУХЪ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1908

СТИХЪ ВЪНЧАЛЬНЫЙ.

Я съ Мечтою обручился и вѣнчальный стихъ пою,
Звѣзды ясныя, сойдите въ чашу брачную мою.

Сладко грезѣ свѣтлой спится далеко отъ тьмы земной,
Тамъ, гдѣ звѣздный кустъ огнится многоцвѣтной пеленой.

Кустъ восходить, возростаетъ, обнимаетъ всѣ міры,
Драгоценности рождаетъ нескончаемой игры.

Жарь-цвѣты и цвѣтъ-узоры смотреть внизъ съ вѣтвей
куста,
Свѣтомъ помыслы одѣты, въ звѣздныхъ ризахъ Красота.

Бриллиантовою пылью осыпается жарь-цвѣтъ,
Манить душу къ изобилію сказка огненныхъ примѣтъ.

Искры, жгите, вейтесь, нити, плющъ, змѣясь по Бытію,
Звѣзды ясныя, сойдите въ чашу брачную мою.

ХВАЛИТЕ.

Хвалите, хвалите, хвалите, хвалите,
 Безумно любите, хвалите Любовь,
 Ты, сердце, сплети всепротяжные нити,
 Крути златоцвѣтность—и вновь,
 Отъ сердца до сердца, до Моря, до Солнца, отъ Солнца
 до мглы отдаленнѣйшихъ звѣздъ,
 Сплетенья вліяній, воздушныя струны, протяжность
 хораловъ, ритмическій мость.
 Изъ точки— планеты, изъ искры—пожары.
 Цвѣты и расцвѣты, отвѣтныя чары,
 Круги за кругами, и снова, и вновь,
 То выше, то ниже, качаясь, встрѣчаясь,
 И то расходясь, то опять возвращаясь,
 Свѣчась, расцвѣчаясь, поющая кровь,
 Всемирно проводитъ пустыя нити,
 Хвалите же Вѣчность, любите, хвалите,
 Хвалите, хвалите, хвалите Любовь.

ХМѢЛЬНОЕ СОЛНЦЕ.

Лѣтомъ, въ мѣсяцѣ Іюль,
 Въ дни, когда пьянѣетъ Солнце,
 Много странныхъ есть вещей
 Въ хмѣлѣ солнечныхъ лучей.
 Стонетъ лѣсъ въ громовомъ гулѣ,
 Молній блескъ—огонь червонца.
 Все кругомъ мѣняетъ видъ,
 Самый воздухъ умъ пьянитъ.

Воздухъ видно. Дымка. Парить.
 Воздухъ словно весь расплавленъ.
 Въ чашу лѣса поскорѣй,
 Вглубь съ желанною твоей.
 Въ мозгѣ лѣжный звонъ ударить,
 Сердце тутъ, а умъ оставленъ.
 Тѣло къ тѣлу тѣсно льнетъ.
 Праздникъ тѣла. Счастье. Вотъ.

Ночь приходитъ. Всѣмъ извѣстно,
 Ночь Иванова колдуетъ.
 Звѣздный папоротникъ рви.
 Мигъ поетъ въ твоей крови.
 Пляшетъ пламя повсемѣстно.
 Мглу огонь свѣтло цѣдуетъ.
 Гдѣ костры сильнѣй горять,
 Ройся глубже, вспыхнетъ кладь.

ДОЛИНЫ СНА.

Пойду въ долины сна,
Тамъ вкось растутъ цвѣты.
Тамъ падаетъ Луна
Съ бездонной высоты.

Вкось падаетъ она,
И все не упадетъ.
Въ глухихъ долинахъ сна
Густой дурманъ цвѣтетъ.

И странная струна
Играетъ безъ смычковъ.
Мой умъ въ долинахъ сна,
Средь волнъ безъ береговъ.

СЪ ВЫСОКОЙ БАШНИ.

Съ высокой башни
На мѣръ гляжу я.
Съ желѣзной башни
За нимъ слѣжу я.
Несется Вѣтеръ,
Несется Вѣтеръ,
Несется Вѣтеръ,
Кругомъ бушуетъ.

Что мигъ текущій,
Что день вчерашній,
Что вихрь бѣгущій,
Какъ звѣрь надъ пашней,
Бѣгущій мимо,
Неуловимо,
Какъ гроздь дима,
Вкругъ стройной башни.

На мѣръ всегдашній
Свѣтло гляжу я.
Съ высокой башни
За нимъ слѣжу я.
И злится Вѣтеръ,
Кружится Вѣтеръ,
И мчится Вѣтеръ,
Кругомъ бушуетъ.

ЗВУКЪ ИЗЪ ТАИНСТВЪ.

Цвѣтокъ есть расцвѣтшее пламя, Человѣкъ—говорящій
огонь,
Движеніе мысли есть радость всемірныхъ и вѣчныхъ
погонь.
И взглянемъ ли мы на созвѣзды, разслышимъ ли
говору струй,
Мы знаемъ, не зная мы не можемъ, что это одинъ
поцѣлуй.
И струнъ ли рукой мы коснемся, чтобъ сдѣлать
пѣвучимъ нашъ пирь,
Мы пѣсней своей отзовемся на пѣсню, чье имя есть
Міръ.
И кто бы ты ни былъ, напрасно—цвѣтка-ль,
человѣка-ль—не тронь:—
Цвѣтокъ есть расцвѣтшее пламя, Человѣкъ—говорящій
огонь.

ОБЛАЧНАЯ ЛѢСТНИЦА.

Если хочешь въ край войти вѣчно-золотой,
Облачную лѣстницу нужно сплести мечтой,
Облачныя лѣстницы насъ ведутъ туда,
Гдѣ во снѣ бываемъ мы только иногда.

А и спать не нужно намъ, лишь возьми росу,
Окropи вечернюю свѣта полосу,
И, скрѣпивши облачко мѣсячнымъ лучомъ,
Въ путь иди, не думая больше ни о чемъ.

ЗАКЛИНАНЬЕ ВОДЫ И ОГНЯ.

Я свѣтъ зажгу, я свѣтъ зажгу,
На этомъ берегу.

Иди тихонько.

Слѣди, на камнѣ есть вода,
Иди со мной, съ огнемъ, туда,
На бѣломъ камнѣ есть вода.
Иди тихонько.

Рука съ рукой, рука съ рукой,
Здѣсь кто-то есть другой.

Иди тихонько.

Тотъ кто-то, можетъ, слышитъ насъ.
Слѣди, чтобъ свѣтъ нашъ не погасъ,
Чтобы вода не пролилась.

Иди тихонько.

Мы свѣтъ несемъ, мы свѣтъ несемъ,
Рабы намъ Ночь со Днемъ.

Иди тихонько.

Слѣди, рука съ рукой тверда,
На бѣломъ камнѣ есть вода,
Свѣти, идемъ съ огнемъ туда.
Иди тихонько.

ТРИ КОНЯ.

На трехъ коняхъ Властитель Солнца
Свершаетъ выѣздъ въ Ивановъ день.
И конь одинъ краснѣй червонца,
И конь другой есть конь-игрень.

И третій конь весь бѣлый, бѣлый,
Какъ будто вылить изъ серебра.
Властитель Солнца, свѣтлый, смѣлый,
Свершаетъ выѣздъ.— „Въ путь. Пора.“

Но чуть доѣдетъ до зенита,
Конь золотокрасный горитъ—и палъ.
Властитель дня хлеснетъ сердито
Тѣхъ двухъ—и дальше поскакалъ.

И конь-игрень онъ тоже красный,
Но съ бѣлой гривой, о, съ бѣлой онъ.
Онъ мчитъ, бѣжитъ, играетъ, страстный,
И палъ, и палъ на небосклонъ.

У Бога Солнца сердце сжато,
Ему лишь бѣлый остался конь.
На склонахъ яркаго заката
Горитъ пурпуровый огонь.

И видѣнь въ тучахъ бѣлоснѣжныхъ
 Конь смертно-блѣдный изъ серебра.
 Властитель Солнца, въ снахъ безбрежныхъ,
 Свершаетъ путь.—„Домой. Пора“.

УСНИ.

Дымящихся свѣтильниковъ предсмертные огни,
 Дрожащія, скользящія, послѣдніе. Усни.

Мерцающія лиліи, пришедшій къ цѣли путь,
 Пройденности, бездонности грозившія. Забудь.

Развязана запутанность, оконченъ счетъ съ людьми,
 Предсказанность безмолвія идетъ къ тебѣ. Прими.

Возьми рукой притихшею воздушный жезль свѣчи,
 Въ безгласности горѣнія сожги слова. Молчи.

Возвышенныя лиліи расцвѣтомъ смотрятъ внизъ,
 И ждуть въ благоговѣйности послѣдняго. Молись.

Ни шопота, ни ропота, въ зеркальномъ прошломъ дни,
 Подходитъ ночь безслезная, вся звѣздная. Взгляни.

ИЗУМРУДНАЯ ПТИЦА.

Кто мы? А! Зарю спроси, спроси лѣсъ...
Майскія Письмена.

Въ Паленке, межъ руинъ, гдѣ Майская царица
Велѣла изваять безсмертныя слова,
Я грезилъ въ яркій зной, и мнѣ приснилась птица
Тѣхъ дней, но и теперь она была жива.

Вся изумрудная, съ хвостомъ нарядно-длиннымъ,
Какъ грезы—крылышки, ее зовутъ Кветцаль.
Она живетъ какъ сонъ, въ горахъ, въ лѣсу пустынномъ,
Чуть взглянешь на нее—въ душѣ поетъ печаль.

Красива птица та, въ ней вешній цвѣтъ наряда,
Въ ней тонко-нѣжно все, въ ней сказоченъ весь видъ.
Но какъ колодець—грусть ей нѣмого взгляда,
И чуть ей скажешь что—сейчасъ же улетитъ.

Я грезилъ. Сколько лѣтъ, вѣковъ, тысячелѣтій,
Сказать бы я не могъ—и для чего считать?
Мнѣ мнилось, межъ могилъ, рѣзвятся, играютъ дѣти,
И изумрудъ Кветцаль не устаетъ блистать.

Гигантской пеленой переходило Море
Изъ края въ край Земли, волной росла трава.
Вдругъ дрогнулъ изумрудъ, и на стѣнномъ узорѣ
Прочелъ я скрытыя въ ваиніи слова:—

„О, ты грядущихъ дней! Коль умъ твой разумѣть,
Ты спросишь: Кто мы?—Кто? Спроси зарю, поля,
„Волну, раскаты бурь, и шумъ вѣтровъ, что вѣетъ,
„Лѣса! Спроси любовь! Кто мы? А! Мы—Земля!“.

ЗОЛОТО-МОРЕ.

Есть Золото-Море.
 На Золотъ-Морѣ,
 Которое молча горитъ,
 Есть Золото-Древо,
 Оно одиноко
 Въ безбрежномъ горѣнии стоитъ.

На Золотъ-Древѣ
 Есть Золото-Птица,
 Но когти желѣзны у ней.
 И рветъ она въ клочья
 Того, кто ей нелюбъ,
 Межъ красныхъ и желтыхъ огней.

Есть Золото-Море.
 На Золотъ-Морѣ,
 Бѣлѣ-Камень, бѣлѣя, стоитъ,
 На Камнѣ на бѣломъ,
 Сидитъ Красна Дѣва,
 А Море безбрежно горитъ.

На Золотъ-Морѣ,
 Подъ Камнемъ, подъ бѣлымъ,
 Подъяты желѣзны врата.
 Сидитъ Красна Дѣва,
 Подъ нею—глубины,
 Подъ камнемъ ея—темнота.

И Золото-Море
 Сверкаетъ безбрежно,
 Но въ глубь опускается трупъ.
 То Красная Дѣва
 Въ бездонности топить
 Того, кто ей вправду былъ любъ.

ПЕРЕБРОШЕННЫЯ ЗВЕНЬЯ.

Что держитъ Землю? Что?—Вода.
 —Что держитъ Воду?—Камень грозный.
 —Что держитъ Камень, дни, года,
 Что держитъ Мiръ окружно-звѣздный?
 —Четыре мощные Кита.
 —На чемъ они, Киты златые?
 —Ихъ вѣчно держитъ Красота,
 Огня теченья молодые.
 —А что же держитъ тотъ Огонь?
 —Другой Огонь, его двѣ части.
 —А дальше?—Болѣе не тронь.
 Не тронь. Сгоришь!

ГРЕБЕЦЪ.

На главѣ его смарагдовый вѣнецъ.
 Пѣснь потаенная.

Миѣ привидѣлся корабль, на кораблѣ сидѣлъ гребецъ,
 На главѣ его златистой былъ смарагдовый вѣнецъ.
 И въ рукахъ своихъ онъ бѣлыхъ не держалъ совсѣмъ
 весла,
 Но волна въ волну втекала, и волна его несла.
 А въ рукахъ гребца, такъ видѣлъ я, лазоревый былъ
 цвѣтъ,
 Этотъ цвѣтъ произрастенъемъ былъ не нашихъ зимъ и
 лѣтъ.
 Онъ съ руки своей на руку перекидывалъ его,
 Переманивалъ онъ души въ кругъ влянья своего.
 Въ кругъ сіянія смарагда и лазоревыхъ цвѣтовъ,
 Измѣнявшихъ нѣжной чарой синеву безъ береговъ.
 Съ синѣговыми парусами тотъ корабль по Морю плывъ,
 И какъ будто съ каждымъ мигомъ въ Солнцѣ больше
 было силъ.
 Будто Солнцу было любо разгораться безъ конца,
 Было любо синю Морю уносить въ просторъ гребца.

ИЗЪ КНИГИ
„ЗЕЛЕНЫЙ ВЕРТОГРАДЪ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1909

КОРМЩИКЪ.

- Кто ты?—Кормщикъ корабля.
- Гдѣ корабль твой?—Вся Земля.
- Вѣрный руль твой? Въ сердцахъ, здѣсь.
- Сине Море?—Разумъ весь.
- Весь? Добро и рядомъ Зло?
- Сильно каждое весло.
- Пристань?—Сонъ.—Маякъ?—Мечта.
- Достиженье?—Полнота.
- Полноводье, а затѣмъ?
- Ширь пустынь—улада всѣмъ.
- Сладость, сонъ, а наяву?
- Въ безоглядности—плыву.

БОЖІЙ ХРАМЪ.

Наше тѣло—Божій храмъ,
 Въ храмѣ дай горѣть свѣчамъ.
 Любишь Бога, такъ смотри,
 Храмъ достойно уברי.

Чтобы ладанъ нѣжный въ немъ
 Былъ съ молитвеннымъ огнемъ,
 Чтобы тихій звонъ кадилъ
 Прямо въ сердце заходилъ.

Чтобы къ храму льнулъ другой,
 Тоже Божій—и такой,
 Какъ бываетъ вешній садъ,
 Въ часъ какъ всѣ цвѣты горять.

УЛЕТИ.

Изъ остроговъ, изъ затворовъ,
 Отъ косыхъ холодныхъ взоровъ,
 Отъ напрасныхъ разговоровъ,—
 Улети.

Птицей вольной, птицей бѣлой,
 Изъ темницы застарѣлой,
 Унесись на подвигъ смѣлый,—
 Есть пути.

Въ мигъ одинъ свершится диво,
 И свободно и красиво
 Засіяетъ лугъ и нива,—
 Захоти.

Плѣннымъ—крючья, плѣннымъ—пиля,
 Но мечтой умножь усиля,
 Вотъ растутъ, бѣлѣютъ крылья,—
 Что жь, лети.

Камень тяжкій отвалился,
 Душный сводъ тюрьмы раскрылся,
 Прахомъ твой порогъ затмился,—
 Отмети.

Будь же съ нами, съ голубями,
 Въ голубомъ воздушно́мъ храмѣ,
 Мы помчимся облаками,—
 Улети.

ДЛЯ СЕСТРЫ.

Для сестры моей, любви, есть лазоревы цвѣты,
 Есть лазоревы цвѣточки самой свѣжей красоты.

Самой свѣжей, самой нѣжной, изъ-подъ первой той росы,
 Для сестры моей, любви, и другія есть красы.

На холмѣ, холмѣ зеленомъ есть высокій теремокъ,
 Подъ оконцемъ воркованье, стонеть бѣлый голубокъ.

Голубъ нѣжный, бѣлоснѣжный, онъ проворный, круговой,
 Чуть крылами затрепещеть—онъ со стаею живой.

Проворкуеть, насъ, моль, много, это правда, а не ложь,
 За однимъ другой и третій, хоть считай, да не сочтешь.

Замелькаютъ, затрепещутъ, крылья блещутъ и горятъ,
 Для сестры моей, любви, въ Небѣ выпросятъ нарядъ.

Въ самомъ Небѣ, въ синемъ Небѣ, у высокихъ облаковъ,
 Ужь помолятъ, ужъ попросятъ бирюзы и жемчуговъ.

Ужь помолятъ, ужъ попросятъ изумрудовъ, жемчуговъ,
 И атласа отливного, и тончайшихъ шелковъ.

Небеса ли имъ откажутъ, въ Небѣ много тамъ всего,
 Для сестры моей, любви, и для счастья моего.

ОТЧЕГО?

Отчего душа болит, а уму не говорить?

Я люблю. Я люблю.

Отчего огонь въ крови, хоть зови, хоть не зови?

Я люблю. Я люблю.

Отчего на Небесахъ звѣзды ясныя въ вѣнцахъ?

Я люблю. Я люблю.

Отчего изъ темноты дышутъ пьяные цвѣты?

Я люблю. Я люблю.

Отчего въ журчаньи струй такъ и бьется поцѣлуй?

Я люблю. Я люблю.

Отчего къ цвѣтку цвѣтокъ посылаетъ лепестокъ?

Я люблю. Я люблю.

Отчего въ твоихъ глазахъ и желаніе и страхъ?

Я люблю. Я люблю.

Отчего жь ты, отчего не у сердца моего?

Я люблю. Я люблю.

РАДУЙСЯ.

Радуйся—Сладимъ-Рѣка, Сладимъ-Рѣка течеть,
 Радуйся—въ Сладимъ-Рѣкѣ, въ Сладимъ-Рѣкѣ есть медь,
 Радуйся—къ Сладимъ-Рѣкѣ, къ Сладимъ-Рѣкѣ прильнемъ,
 Радуйся—съ Сладимъ-Рѣкой, мы въ Рай, мы въ Рай
 войдемъ,

Радуйся—Сладимъ-Рѣка поить и кормить всѣхъ,
 Радуйся—Сладимъ-Рѣка смываетъ всякій грѣхъ,
 Радуйся—въ Сладимъ-Рѣкѣ вѣшанье для души,
 Радуйся—къ Сладимъ-Рѣкѣ, къ Сладимъ-Рѣкѣ спѣши,
 Радуйся—Сладимъ-Рѣка, Сладимъ-Рѣка есть Рай,
 Радуйся—въ Сладимъ-Рѣкѣ, Сладимъ-Рѣку вбирай,
 Радуйся—Сладимъ-Рѣка, Сладимъ-Рѣка есть медь,
 Радуйся—Сладимъ-Рѣка, Сладимъ-Рѣка зоветъ.

РАСКРЫТЫЕ УЛЯ.Я.

Всѣ окна въ нашемъ теремѣ огнемъ озарены,
 Цвѣты на каждомъ деревѣ съ лучомъ обручены,
 Омѣтили всѣ двери мы, поставивъ тайный знакъ,
 Теперь, что будетъ въ теремѣ—да будетъ это такъ.
 Изъ кладезя глубокаго вода принесена,
 Въ той горницѣ, гдѣ горлицы, святая тишина,
 Гдѣ голуби—какъ проруби, тамъ чудится жерло,
 И страшно такъ, и сладко такъ—что сказано, пришло.
 Что сказано для разума, да будетъ наяву,
 Дремотное—развязано, и дождь сѣчетъ траву.
 Листы къ листьямъ, уста къ устами и тѣло къ тѣлу льнетъ,
 И лучъ изъ водъ туманъ зоветъ, какъ тучу въ Небосводъ.
 А тамъ готова молнія, и льются, за огнемъ,
 Изъ облакъ ведра полныя въ надземный водоємъ.
 Журчить въ высокомъ теремѣ вспѣнный водометъ.
 Ужели въ самомъ дѣлѣ мы не вкусимъ сладкій медъ?
 Разъ въ уляяхъ есть обиліе, мы ихъ освободимъ.
 Раскрой, душа, воскрылія! Теки, Рѣка-Сладимъ!

ПОГОНЯ.

Чей это топоть?—Чей это шопоть?—Чей это свѣтитъ глазъ?
 Кто это въ кругѣ—въ бѣшеной выюгѣ—пляшетъ и путаетъ
 насъ?

Чьи это крылья—въ дрожи безсилія—бьются и снова
 летятъ?

Чьи это хоры?—Чьи это взоры?—Чей это блещущій
 взглядъ?

Чье это слово—вѣчно и ново—въ сердцѣ поетъ какъ
 гроза?

Чьи неотступно—можетъ, преступно—смотреть и смотреть
 глаза?

Кто измѣнился—кто это свился—въ полный змѣиности
 жгутъ?

Чьи это кони—бѣлые кони—въ дикой погонѣ—бѣгутъ?

РАДѢНІЕ.

Дѣти Солнца, въ часъ полночный,
Собрались въ игрѣ урочной,
Слитно-дружное вращенье,
Перекрестности круженья,
Плотно слажены ряды,
Мы во имя возрожденья
Ждемъ въ душѣ живой воды.

Жерновъ крутится упорный,
Бѣлый праздникъ ночью черной,
Быстро, посолонь, стремленье,
Звѣзды, въ жаждѣ обновленья,
Прорѣзаютъ такъ туманъ,
Въ кругѣ, знаменье радѣнья,
Со святой водою чанъ.

Ногъ босыхъ все глуше топоть,
Усть сухихъ не слышенъ ропоть,
За одной живой стѣною
Двѣ и три идутъ волною,
Близъ рубахи—сарафанъ,
И напѣвной тишиною
Зачарованъ водный чанъ.

Въ глубинѣ явился Кто-то,
Въ ликѣ свѣтлая дремота,
Пробуждается въ купели.
Мы недаромъ здѣсь радѣли,
И пропѣли заговоръ,
Въ вихрѣ слышенъ зовъ свирѣли,
Въ чанѣ темномъ яркій взоръ.

Хороводъ нашъ содрогнулся,
Съ неземнымъ соприкоснулся,
Мы истомнымъ взяты раемъ,
Въ пляскѣ мы изнемогаемъ,
Мы блѣднѣи, чѣмъ полотно,
Духъ сошелъ, мы знаемъ, знаемъ,
Это было суждено.

ВЪ ТАЙНОЙ ГОРНИЦѢ.

Въ тайной горницѣ, гдѣ взяты души вольныхъ въ нѣжный
плѣнъ,
Свѣчи длинныя сіяютъ ровнымъ пламенемъ вдоль стѣнъ.

Взоръ ко взору устремлялся, сердце въ сердце, разумъ
въ умъ,
Отъ пѣвучихъ думъ рождался, въ пляскѣ тѣлъ, размѣрный
шумъ.

Вскрики, дикіе какъ буря, какъ въ пустынѣ крикъ орла,
Душу выявили въ звукахъ, и опять душа свѣтла.

Въ бѣломъ вихрѣ взмахи чувства сладкій вѣдали предѣлъ,
И вѣнчальные наряды были саванами тѣлъ.

Въ этой пляскѣ изступленной каждый думалъ—про себя,
Но, другими окруженный, вился—сразу всѣхъ любя.

Въ этомъ множественномъ ликѣ, повторивъ стократно
изгибъ,
Души плыли, какъ весною—стройный шабашъ свѣтлыхъ
рыбъ.

Такъ повторно, такъ узорно, съ хороводомъ хороводъ,
Извиваясь, любить слитно, и, безумствуя, плыветъ.

И, проплывъ, осуществили весь молитвенный напѣвъ,
И въ сердцахъ мужскихъ блаженство, какъ блаженство
въ сердцѣ дѣвъ.

И въ тѣлахъ мужскихъ дрожанье, многострунность въ
тѣлѣ женъ,
Это было, жизнь свѣтила, воплотился яркій сонъ.

И въ тѣлахъ сіяютъ души, каждый дышетъ, свѣтелъ
взглядъ,
Въ тайной горницѣ полночной свѣчи жаркія горятъ.

ХОРОВОДЪ.

По надъ прудомъ—прудомъ садъ, вешній садъ.
Бѣлымъ кругомъ схваченъ взглядъ, всѣ скользятъ.

По за лѣсомъ темный лѣсъ, шепчетъ лѣсъ.
Здѣсь воскресла пѣснь чудесна. Онъ воскресъ.

Подъ Луной—Луною лугъ, свѣжій лугъ.
Всѣ—со мною, всѣ—за мной, въ быстрый кругъ.

По надъ прудомъ—прудомъ темъ, тамъ темно,
Да по водамъ хороводы тѣшатъ дно.

Такъ ужъ гибки эти рыбки, всѣ плывутъ.
Здѣсь проблещутъ, тамъ сияютъ, тутъ зовутъ.

По надъ садомъ—садомъ Ночь, ширь Небесъ.
Мірѣ зоветь къ святымъ забавамъ. Онъ воскресъ.

ПЛЯСКА ДВУХЪ.

— Я изъ града Вѣтрограда,
Называюсь „Вѣй“.

— Я изъ града Цвѣтограда,
Я „Огонь очей“.

— Я по граду Вѣтрограду
Здѣсь, и нѣтъ, вонъ тамъ.

— Я по граду Цвѣтограду
Пить даю цвѣтамъ.

— Я во градѣ Вѣтроградѣ
Взвился, темнота.

— Я во градѣ Цвѣтоградѣ
Жду, цвѣтокъ—уста.

— Я во градѣ Вѣтроградѣ
Водоемъ взломлю.

— Я во градѣ Цвѣтоградѣ
Пропою „Люблю“.

— Я изъ града Вѣтрограда
Брызну вихремъ струй.

— Я изъ града Цвѣтограда
Позову „Цѣлуй“.

БОЖИИ ПЛОТНИКИ.

Мы плотнички,
 Мы работнички,
 Всѣ работаемъ мы тутъ,
 Надъ Судьбою судимъ судъ,
 Мы вѣдь Божии,
 Не прохожи.

Мы плотнички,
 Мы работнички,
 Мы не ходимъ въ міръ зря,
 За работу—чуть заря,
 До вечернихъ ростъ
 Тешемъ бѣлый тесь.

Мы плотнички,
 Мы работнички,
 Намъ топоръ проворный любъ,
 Мы здѣсь строимъ бѣлый срубъ,
 Топоромъ стучимъ,
 Да въ свой духъ глядимъ.

Мы глядимъ на лѣсъ,
 Въ Морѣ день воскресъ,
 Послужили намъ лѣса,
 Вотъ натянемъ паруса
 На корабль мы свой,
 На корабль живой.

Коли плыть, такъ плыть,
 Новый міръ открыть,
 Мы постукиваемъ тутъ,
 Стружки словно цвѣтъ цвѣтутъ,
 Мы плотнички,
 Мы работнички.

ЗВЪЗДОЗАКОННИКИ.

Звѣздники, звѣдозаконники,
 Божіей воли влюбленники,
 Крестопоклонники,
 Цвѣтопоклонники,
 Здѣсь въ Вертоградѣ мы всѣ
 Въ невыразимой красѣ.

Бездники, стали мы звѣздники,
 Въ Вечери мы сотрапезники,
 Цвѣтопоклонники,
 Звѣдозаконники,
 Хлѣбъ и вино—въ хоровомъ,
 Во всеокружномъ поемъ.

ТРУБАЧИ.

По горамъ, по горамъ,
 Трубачи.
 Чу! поютъ и кличутъ намъ.
 Солнце встало, шлетъ лучи.
 По лугамъ и по лѣсамъ,
 По широкимъ небесамъ,
 Словно рдяные мечи,
 Словно вытянулись въ бой,
 По стремниѣ голубой,
 Исполинскіе мечи.
 Надъ отшедшей тьмой слѣпой,
 Съ золотой своей трубой
 Встали, кличутъ трубачи,
 Обѣщаютъ гулко намъ
 Золотые дать ключи
 Къ тѣмъ жемчужнымъ воротамъ,
 За которыми прильнемъ,
 Надъ рубиновымъ путемъ,
 Мы къ невянущимъ цвѣтамъ.
 Такъ вѣщаютъ трубачи,
 По горамъ, по горамъ.

НЕТЛѢННОЕ.

Мы найдемъ въ нашемъ теремѣ свѣтлый покой,
Гдѣ игрою столѣтій украшены стѣны,
Гдѣ лишь сказкою, пѣсней стали измѣны,
Чтобъ за мигомъ былъ мигъ, за восторгомъ другой.

Я тебѣ загляну въ безконечную душу,
Ты заглянешь въ мою, какъ взглянула бѣ въ окно,
Мы поймемъ, что сліяніе намъ суждено,
Какъ не можетъ волна не домчатся на сушу.

Ты мнѣ скажешь: „Мой милый. Нарядъ приготовь“.
На тебя я надѣну нетлѣнное платье.
Я тебя заключу—заключаю въ объятія,
Мы найдемъ—мы нашли—въ нашемъ сердцѣ—любовь.

ЗВѢЗДОЛИКІЙ.

Лицо его было какъ Солнце—въ тотъ часъ когда Солнце
въ зенитѣ,
Глаза его были какъ звѣзды—предъ тѣмъ какъ сорваться
съ Небесъ,
И краски изъ радугъ служили—какъ ткани, узоры, и
нити,
Для пышныхъ его одѣяній, въ которыхъ онъ снова
воскресъ.

Кругомъ него рдѣнились громы, въ обрывныхъ разгнѣ-
ванныхъ тучахъ,
И семь золотыхъ семизвѣздій—какъ свѣчи горѣли предъ
нимъ,
И гроздья пылающихъ молній—цвѣтами раскрылись на
кручахъ,
„Храните-ли Слово?“ онъ молвилъ,—мы крикнули съ во-
племъ „Хранимъ!“

„Я первый“, онъ рекъ, „и послѣдній,“—и гулко отвѣтили
громы,
„Часъ жатвы“, сказала Звѣздоликій. „Серпы приготовьте.
Аминь.“
Мы вѣрной толпою возстали, на Небѣ алѣли изломы,
И семь золотыхъ семизвѣздій вели насъ къ предѣламъ
пустынь.

ОСАННА.

- Что было у васъ за пирами?
- Цвѣточные чаши, любовь.
- Что выше?—Всѣ звѣзды надъ нами.
- Что въ чашахъ?—Поющая кровь.
- Своя иль чужая?—Смѣшались.
- А пѣсни?—Всегда объ одномъ.
- Въ какой же странѣ вы остались?
- Осанну, Осанну поемъ.

ИЗЪ КНИГИ

„ХОРОВОДЪ ВРЕМЕНЪ“

МОСКВА
1909

ДЛЯ ЧЕГО?

- Для чего намъ Солнце засвѣтилось сегодня?
- Для радости зрѣнія лика Господня.
- Для чего же оно горѣло вчера?
- Для радости зрѣнія лика Господня.
- А завтра зачѣмъ?—Чтобъ воскликнуть: Пора!
Будемъ въ радости зрѣнія лика Господня.

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ.

Лунный камень, тихий пламень, тихий пламень, не простой,
 То прозрачный, то туманный, сребротканый, золотой.
 То скользкий, словно въ чашѣ лучъ-фонарикъ свѣтляка,
 То грозный, словно въ чашѣ ждетъ колдунъ изподтишка.
 То какъ тайна Океана, что, съдой, безсмерно-юнь,
 То какъ ранний свѣтъ тумана, то какъ звоны дальнихъ
 струнь.

То какъ раковина Моря, что какъ будто бы горитъ,
 А какъ будто не для глаза, а для слуха говоритъ.
 То какъ змѣйный свѣтъ опала, то какъ сказка жемчуговъ,
 Какъ церковный звукъ хорала въ часъ спасенья отъ
 враговъ.

То какъ верба въ ночь ущербъ, или въ первый мигъ
 серпа,
 Лунный камень, струнный пламень, отъ тебя въ тайникъ
 тропа.

ЕГИПЕТЪ.

Заснула земля.
 Фіаль переполненный выпить.
 Задремавшіе Боги ушли въ Небосводъ,
 Гребцы корабля,
 На которомъ Египетъ
 Сквозъ Вѣчность скользятъ по зеркальности Нильскихъ
 водъ.

Ушли Фараоны.
 Ихъ нарядныя муміи спать,
 Предъ глазами людей восхищенными.
 Всѣ пирные звоны
 Смѣнились напѣвомъ цикадъ.
 Лишь звѣзды блестятъ и блестятъ надъ песками, самому
 вѣтенными.

И Сфинксъ все глядитъ.
 И Сфинксъ все есть Сфинксъ неразгаданный.
 Въ зыби вѣковъ, что бѣгутъ и бѣгутъ вперевой.
 И вокругъ пирамидъ
 Жизнь живетъ, вешній воздухъ весь ладанный,
 Ниль течетъ, и папируса нѣтъ, но лотосъ расцвѣлъ голубой.

ЛАНДЫШИ.

Ландыши вы бѣлоснѣжныя,
 Не соты-ль вы лунныхъ пчель?
 Въ шестигранныя келейки нѣжныя
 Заоблачный сонъ вошелъ.

Вы сладостно, радостно дышите,
 Душистый лелѣя сонъ.
 Звоните тихонько, и слышите,
 Лишь вы тотъ слышите звонъ.

Нѣтъ, не только. До самаго звѣзднаго
 Неба, гдѣ Полночь—блѣдна,
 Гдѣ какъ будто бы въ чарахъ морознаго
 Сіянія свѣтитъ Луна,—

Уходитъ напѣвами вольными
 Колокольный вашъ призрачный звонъ,
 Надъ тѣнями березъ тонкоствольными,
 Призывая на свой амвонъ.

Проникаясь душисто молебнами,
 Вплоть до лунныхъ звоните вы селъ,
 И звонами тонко-хвалебными
 Отвѣтствуютъ сонмы пчель.

Съ Луною пчелы прощаются,
 И внизъ скользятъ по струнѣ,
 Въ ландыши внутрь помѣщаются,
 И тихонько жужжать къ Лунѣ.

Вонъ видишь, въ дома шестигранные
 Въ снѣжность, въ душистость вошли,
 Золотистыя, малыя, странныя,
 Ихъ не слышно въ цвѣточной пыли.

Но не слышно лишь намъ. Все жъ въ волненіи
 Если ночью близъ ландышей мы,
 Словно въ пѣньи мы, въ млѣньи, въ моленіи
 Бѣловонной мглы-полутмы.

АУ.

Твой нѣжный смѣхъ былъ сказкою измѣнчивою,
 Онъ звалъ, какъ въ сонѣ зоветь свирѣлый звонъ.
 И вотъ вѣнкомъ, стихомъ тебя увѣнчиваю,
 Уйдемъ, бѣжимъ, вдвоемъ, на горный склонъ.
 Но гдѣ же ты? Лишь звонъ вершинъ позваниваетъ.
 Цвѣтку цвѣтокъ средь дня зажегъ свѣчу.
 И чей-то смѣхъ все въ глубь меня заманиваетъ.
 Пою, ищу, „Ау! ау!“ кричу.

ИЗЪ ПОЭМЫ „ТРИНАДЦАТЬ ЛУНЪ“.

1. Іюнь.

Іюнь, непостижно короткая ночь,
 Вся прозрачная, вся просвѣтленная.
 Кто родится въ Іюнь, никакъ одному не сумѣетъ помочь:
 Въ душѣ его вѣкъ будетъ греза влюбленная,
 Душа его будетъ бессонная.

Въ зеленомъ Іюнь цвѣтутъ всѣ цвѣты,
 Густѣетъ осока прохладными свитками,
 Бѣлѣетъ купава, какъ стынущій ликъ чистоты,
 Дрема навѣваетъ вѣщательность сонной мечты,
 О маленькомъ счастья безмолвную рѣчь съ маргаритками
 Ведетъ незабудка, и шепчетъ: „Припомнишь-ли ты?“
 Цвѣтеть и влюбляетъ ночная фіалка пахучая,
 И рдѣютъ сердечки гвоздикъ луговыхъ.
 Кто въ Іюнь войдетъ въ этотъ міръ, каждый цвѣтъ, его
 сладостно мучая,
 Будетъ сердцу внушать, что любить нужно ихъ,
 Эти сны, лепестки, и душа его станетъ пѣвучая,
 Расцвѣченная, жгучая.

И въ Іюнь, въ Иванову ночь,
 Онъ искать будетъ папороть-цвѣтъ,
 На вопросъ невозможный—желанный отвѣтъ,
 На вопросъ, что, мелькнувъ, ужъ не скроется прочь!

И Иванова ночь озаренная
 Дастъ, быть можетъ, огонь златоцвѣтный ему,
 Чтобъ удвоить, за мигомъ сіянiя, тьму,
 Чтобъ въ единственный часъ,
 Гдѣ минута съ минутой—какъ искра спаленная,
 Тайный папороть-цвѣтъ, излучившись, погасъ,
 Чтобъ въ душѣ его пѣснь задрожала стозвонная,
 Чтобъ душа его стала безсонная.

2. Ноябрь.

Божій кузнецъ,
 Дороги и рѣки куесть,
 Зимѣ изо льда онъ готовитъ ларець,
 Алмазы вбиваетъ въ холодный вѣнецъ,
 Разсыпавши снѣгъ, разукрасивши ледъ,
 Звонко куесть,
 Бѣлая кузница—миръ,
 Весь оковаль,
 Въ иней не разъ и не два одѣваль
 Поле и лѣсъ,
 Кличетъ мятели на пиръ,
 Смотритъ на яркія звѣзды Небесъ,
 Словно и имъ онъ дороги моститъ,
 Звѣзды по снѣгу, и звѣзды вонь тамъ,
 Думаесть, думаесть, вдругъ засвиститъ,
 Мчится, летитъ, по лѣсамъ, по кустамъ,
 Снова—ковать, и гвоздить, и гвоздить.
 Гробъ, что-ли, намъ?
 Саваномъ бѣлымъ въ ногахъ шелеститъ,
 Искрится бѣлая смерть по снѣгамъ.

ПО БЛѢДНОЙ ДОЛИНѢ.

По блѣдной долинѣ приходять, уходятъ, проходятъ не-
 счетные духи,
 Тамъ юноши, взрослые, малыя дѣти, и старцы идуть, и
 старухи.

Съ Востока на Западъ, съ Заката къ Востоку, и снова
 на Западъ съ Востока,
 Приходятъ, уходятъ, и ходять, и бродять, не знаютъ ни
 часа, ни срока.

Встрѣчаясь, качаютъ они головами, и шепчуть о благодн
 Бога,
 И всѣ, проходя, проиграють цѣпями, и вѣчно, и вѣчно
 дорога.

И вдругъ отъ Востока на Западъ прольется разливное
 красное пламя,
 Одинъ усмѣхнется, другой ужаснется, но каждый почув-
 ствуетъ знамя.

И вдругъ отъ Заката къ Востоку вернется и злато, и
 бархатъ, и алость,
 И духи считаютъ, колдуютъ, гадаютъ, пока не сомнеть
 ихъ усталость.

Тогда, безконечно взывая о мести, о чести, о славъ, о
чарахъ,
Несчетные духи, согбенно, проходятъ, какъ тѣни въ без-
мѣрныхъ пожарахъ.

По блѣдной долини, въ пустыни, какъ въ сплинѣ, донь-
нѣ безумствуютъ духи.
И юноши сѣды, и дряхлыя дѣти, и юны, межъ старцевъ,
старухи.

ВѢДОГОНЬ.

У каждаго есть вѣдогонь.
Когда ты заснешь, онъ встанетъ,
Въ крылахъ его дышетъ полетъ,
Осмотрится, дунетъ, идетъ,
Окрѣпъ, улетаетъ, не тронь.

Онъ воленъ, когда мы во снѣ,
И разный намъ видится сонъ,
Вотъ птица, лазурь, небосклонъ,
Не мы это видимъ, а онъ,
И тонемъ мы съ нимъ, въ вышины.

Вотъ вѣтеръ бѣжить по цвѣтамъ,
Красивый съ красивой, ихъ два,
Безсмертная сказка жива.
Цѣлуетъ. И дышетъ трава.
Заснувшимъ такъ сладко устамъ.

Вотъ ссора, чудовищный видъ,
Съ ножомъ вѣдогони, бѣда,
Открылась и лететь руда,
Ты спишь, ты уснулъ навсегда.
Смотри. Вѣдогонь твой убить.

БѢЛЫЙ ЛЕБЕДЬ.

Посвящаю эти строки матери моей
Вѣрѣ Николаевнѣ Лебедевой-Бальмонтъ,
чей предокъ былъ
Монгольскій Князь
Бѣлый Лебедь Золотой Орды.

1.

Конь къ коню. Гремить копыто.
Пьяный, рьяный, каждый конь.
Гей, за степь! Вся степь изрыта.
Въ летѣ коршуна не тронь.

Да и лебедя не трогай,
Бѣлый Лебедь заклюеть.
Гей, дорога! Ихъ у Бога
Столько, столько—звѣздный счетъ.

2.

Мы оттуда, и туда, все туда,
Отъ снѣговъ до лѣтней пыли, отъ цвѣтовъ до льда.

Мы тамъ были, вотъ мы здѣсь, вѣчно здѣсь,
Степь какъ плугами мы взрыли, взяли округъ весь.

Мы здѣсь были, что то тамъ, что вонъ тамъ?
Глянемъ въ чары, намъ пожары свѣтятъ по ночамъ.

Мы оттуда, и туда, все туда,
Наши—долы, наши—рѣки, села, города.

3.

Для чего же и данъ намъ размахъ крыла?
Для того, чтобы жизнь жила.
Для того, чтобы воздухъ отъ свиста крылъ
Былъ видѣнемъ крылатыхъ силъ.

И закроемъ мы Мѣсяцъ толпой своей,
Пролетимъ, онъ блеснетъ свѣтлѣй.
И на мигъ мы у Солнца измѣнимъ видъ,
Станетъ ярче небесный щитъ.

Отъ звѣзды серебра до другой звѣзды—
Нашъ полетъ Золотой Орды.
И какъ будто за нами бѣжить бурень,
Гуль серебряно-звонкихъ струнь.

Отъ червонной зари до зари другой
Птичьи крики, прибой морской.
И за нами червонны цвѣты всегда,
Золотая живеть Орда.

4.

Конь и птица—неразрывны,
Конь и птица—быстрый бѣгъ.
Какъ вдали костры призывны!
Поспѣшаемъ на ночлегъ.

У костровъ чернѣютъ тѣни,
Приготовлена вѣда.
Въ быстромъ бѣгѣ измѣненій
Мы найдемъ ее всегда.

Нагруженные обозы—
Въ ожиданіи нѣмомъ.
Безъ вѣщательной угрозы,
Что намъ нужно, мы возьмемъ.

Тѣни ночи въ ночь и прянуть,
А костры оставлять намъ.
Если жь биться съ нами стануть,
Смерть нещадная тѣнямъ.

Дѣти Солнца, мы приходимъ,
Чтобы алый цвѣтъ расцвѣлъ,
Быстрый счетъ мы съ міромъ сводимъ,
Вводимъ волю въ произволь.

Тамъ гдѣ были раздѣленья
Заблудившихся племень,
Входимъ мы какъ цѣльность пѣнья,
Какъ одинъ приборный звонъ.

Кто послалъ насъ? Намъ безвѣстно.
Тотъ, кто выслалъ саранчу,
И велѣлъ дома, гдѣ тѣсно,
Поджигать своимъ „Хочу“.

Что ведетъ насъ? Воля кары,
Измѣненья вещества.
Наряжаясь въ пожары,
Ночь свѣтла и ночь жива.

А потомъ? Потомъ недвижность
Въ должный часъ убитыхъ тѣлъ,
Тихой Смерти необлыжность,
Черный коршунъ пролетѣлъ.

Прилетѣлъ и сѣлъ на крышѣ
Чтобы каркать для людей.
А свободнѣе, а выше—
Стая бѣлыхъ лебедей.

5.

Ночь осенняя темна, ужь какъ темна,
Закатилась круторогая Луна.

Не видать ея, Владычицы ночей,
Ночь темна, хоть много звѣздныхъ есть лучей.

Вонъ, раскинулись узоромъ круговымъ,
Звѣзды, звѣзды, многозвѣздный бѣлый дымъ.

Упадаютъ. Въ ночь осеннюю съ Небесъ
Не одинъ свѣтильникъ радостный исчезъ.

Упадаютъ. Почему, зачѣмъ, куда?
Вотъ, была звѣзда. И гдѣ она, звѣзда?

Возсіяла лебединой красотой,
И упала, перестала быть звѣздой.

А Дорога-Путь, Дорога душъ горить.
Говоритъ душѣ. А что же говоритъ?

Или только вотъ, что есть Дорога птицъ?
Мнѣ ужъ мало убѣгаиѣ безъ границъ.

Мнѣ ужъ мало взять костры, разбить обозъ,
Мнѣ ужъ скучно отъ росы повторныхъ слезъ.

Мнѣ ужъ хочется двухъ звѣздныхъ близкихъ глазъ.
И покоя въ лебедино-тихой часъ.

Гдѣ-жъ найду ихъ? Гдѣ, желанная, она?
Ночь безлунная темна, ужъ какъ темна.

Гдѣ-же? Гдѣ-же? Я хочу. Схвачу. Возьму.
Свѣтять звѣзды, не просвѣтять въ мѣрѣ тьму.

Упадаютъ. За чредою чередъ.
Вотъ, была звѣзда. А гдѣ она, звѣзда?

6.

-- Гдѣ же ты? Тебя мы ищемъ.
Завтра къ новому летимъ.

— Быть безъ отдыха—быть нищимъ.
Что мнѣ новый дымъ и дымъ!

— Гей, ты шутишь? Или—или—
Оковаться захотѣлъ?

— Лебедь бѣлый хочеть лилій,
Коршунъ хочеть мертвыхъ тѣлъ.

— А не ты-ли красовался
Въ нашей стаѣ лучше всѣхъ?

— Въ утрѣ—день былъ, мракъ качался.
Не смѣюсь, коль замеръ смѣхъ.

— Гей, зачакнешь здѣсь въ затонѣ.
Бѣлый Лебедь, улетимъ!

— Лучше въ собственномъ быть стонѣ,
Чѣмъ грозой идти къ другимъ.

— Гей, за степи! Бросимъ, кинемъ!
Бѣлый Лебедь измѣнилъ.—

Скрылись стан въ утрѣ синемъ.
Въ Небѣ синемъ—звонъ кадилъ.

7.

— Полоняночка, не плачь.
Свѣтлоглазочка, засмѣйся.
Ну, засмѣйся, змѣйкой вейся.
Все, что хочешь, обозначь.

Полоняночка, скажи.
Хочешь серьги ты? Запястья?
Все, что хочешь. Только бѣ счастья.
Поле счастья—безъ межи.

О, свѣтлянка, поцѣлуй!
Дай мнѣ сказку поцѣлуя!
Лебедь хочеть жить ликуя,
Бѣлый съ бѣлой въ брызгахъ струй.

Поплывемъ,—не утоплю.
 Возлетимъ,—коснусь крылами.
 Выше! Къ Солнцу! Солнце съ нами!
 — Лебедь... Бѣлый... Мой... Люблю...

8.

Опрокинулись рѣки, озера, затоны хрустальные,
 Въ просвѣтленность Небесъ, гдѣ несчетности Млеч-
 ныхъ путей.
 Свѣтять въ ночи веселыя, въ мертвыя ночи, въ печальныя,
 Разновольность людей обращаютъ въ слиянность ночей.

И горять, и горять. Были вихрями, стали кадилами.
 Стали бездной свѣчей въ кругозданности храмовъ
 ночныхъ.
 Моремъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Стали стаями птицъ, бѣлокры-
 лыми.
 И, срываясь, поютъ, что внизу загорятся какъ стихъ.

Упадаютъ съ высотъ, словно медь, предугаданный пчелами.
 Изъ невидимыхъ сотъ за звѣздой упадаетъ звѣзда.
 Въ души къ малымъ взойдутъ. Запоютъ, да пребудутъ
 веселыми.

И горять какъ цвѣты. И горить Золотая Орда.

1908. Ночи Зимнія.
 Долина Березъ.

ИЗЪ КНИГИ
 „ЗАРЕВО ЗОРЬ“

МОСКВА
 1912

АГНИ.

Красные кони, красные кони, красные кони—кони мои.
Ярки ихъ гривы, вьются извивы, пламенны взрывы,
ржутъ въ забыты.

Ржутъ, что есть мочи, дрогнули ночи, конскія очи—мол-
нийный свѣтъ.
Спятъ водосемы, будутъ имъ громы, рухнуть хоромы
вышнихъ примѣтъ.

Жаркіе кони, яркіе кони, жаркіе кони—кони мои.
Топнуть о камень—топнуть—и пламень выросъ и взвился
проворнѣй змѣи.

Звонки подковы, златы и новы, пышны покровы красныхъ
попонъ.
Въ Мірѣ—вѣщанье, капель жужжанье, рѣзвое ржанье,
хохотъ и стонъ.

Бѣлый—рождаясь, красный—взметаясь, весь расцвѣчаясь
въ пропастьяхъ дня,
Я у порога Мрака-Зловрога. Знаешь ты бога? Видишь
меня?

ПЕРОГЛИФЫ ЗВѢЗДЪ.

Я по ночамъ вникалъ въ гіероглифы звѣздъ,
Въ тѣ свитки пламеней въ высотахъ совершенныхъ.
Но нѣмы ихъ слова. И духъ, въ томленьяхъ плѣнныхъ,
Не перекинетъ къ нимъ, ихъ достающій, мость.

Ихъ повѣсть язвенна и четко различима,
Но духъ въ нихъ не найдетъ возжажданный отвѣтъ.
На всѣ мои мольбы они отвѣтятъ: „Нѣтъ“.
Промолвятъ: „Мигъ живи, какъ смѣсь огня и дыма.“

„Гори. Еще гори, покуда не сгоришь.
Когда же догоритъ лампада золотая,
Созвѣздье между звѣздъ, взнесешься ты, блистая,
Узнавши звѣздную, въ провалахъ Ночи, тишь.“

„Но, если ты душой ненасытимо жгучей
Возжаждалъ то продлить, что длиться мигъ должно,
Ты камнемъ рушишься на міровое дно,
Созвѣздиемъ не ставъ, сгоришь звѣздой падушей“.

ОСТРІЕ.

Я жизнью и смертью играю.
Прохожу по блестящему краю.
Остріе.
И не знаю, кого погублю я,
Ту, кого обожаю, цѣлюя,
Или сердце мое.

Вотъ порвется. Такъ бьется, такъ бьется.
А она, наклоняясь, смѣется.
Говоритъ:—
Что съ тобой? Ты бѣжалъ очень скоро?
Ты боишься—за что-то—укора?
Тутъ—немножко—болитъ?

Я знаю разъятую рану.
Прикоснись же. Мѣшать я не стану.
Все стерплю.
Только помни, пока повторяю.
Только вѣрь мнѣ, пока я сгораю.
Я люблю. Я люблю.

ТОСКА СТЕПЕЙ.

(Половянка степей Половецких).

Звукъ зурны звенить, звенить, звенить, звенить,
 Звонъ стеблей, ковыль, поеть, поеть, поеть,
 Серпъ время горитъ, сквозь сонъ, горитъ, горитъ,
 Слезный стонъ ростеть, ростеть, ростеть, ростеть.

Даль степей, не мигъ, не часъ, не день, не годъ,
 Ширь степей, но нѣтъ, но нѣтъ, но нѣтъ путей,
 Тьма ночей, нѣмой, нѣмой тотъ звѣздный сводъ,
 Ровность дней, въ нихъ зовъ, но чей, но чей, но чей?

Мать, отецъ, гдѣ всѣ, гдѣ всѣ—семьи моей?
 Сонъ весны—блеснулъ, но спить, но спить, но спить,
 Даль зоветъ, за ней, зоветъ, за ней, за ней,
 Звукъ зурны звенить, звенить, звенить, звенить.

ЗВѢЗДА ВЕЧЕРНЯЯ.

1.

Она была мечтой одѣта,
 Свѣтилась въ новолунныхъ снахъ.
 И въ мѣрной зыби менуэта
 Плыла какъ лебедь на волнахъ.

Вся въ кружевахъ, какъ лебедь черный,
 Съ его узорностью крыла.
 А въ тотъ же часъ, въ выси надгорной,
 Звѣзда Вечерняя плыла.

2.

Она была изъ Вальтеръ-Скота,
 Она была и въ этихъ дняхъ.
 И въ зыби мѣрнаго гавота
 Плыла какъ лебедь на волнахъ.

Вся въ кружевахъ, какъ лебедь черный,
 Съ его узорностью крыла.
 А въ тотъ же часъ, въ выси надгорной,
 Звѣзда Вечерняя плыла.

3.

Она была изъ сказокъ свѣта.
 Изъ сказокъ сумрака въ лучахъ.
 И какъ зима вступаетъ въ лѣто,
 Вступила въ вальсъ, кружилась въ снахъ.

Вся въ кружевахъ, какъ лебедь черный,
 Съ его узорностью крыла.
 А въ тотъ же часъ, за мѣръ надгорный,
 Звѣзда Вечерняя зашла.

ПСАЛОМЪ НОЧНОЙ.

Домъ мечтаній начальныхъ,
 Сномъ окутанъ ночнымъ.
 Псаломъ надеждъ погребальныхъ
 Поемъ мы, и всходитъ дымъ.

Гумна убиты цѣпами,
 Шумный окончился день.
 Безшумная ночь надъ полями.
 Сумракъ, духъ мой одѣнь.

ПОСЛѢДНЯЯ ЗАРЯ.

Я вижу свѣтъ моей зари послѣдней.
Она вдали широко разлилась.
Безгласный звонъ. Мольбы цвѣтной обѣдни.
Псалмы лучей. Предвозвѣщенный часъ.

И служба дня смѣняется вечерней.
Встаетъ Луна, и паутинить нить.
Чтобы душѣ, гдѣ пытки—равнобѣрнѣй,
Для всеобщей смиряющей свѣтить.

НЕ ВЪ ЭТИ ДНИ.

Не въ эти дни вечеровые
Паденья капель дождевыхъ,—
Не въ эти дни полуживые,
Когда мы душу прячемъ въ стихъ,
Чтобъ озарить себя самихъ,—
О, нѣтъ, тогда, когда впервые,
Какъ капли жаркаго дождя,
Струились звѣзды, нисходя
На доли Неба голубые,—
Тогда, какъ въ первый разъ, въ ночи,
Средь звѣздъ, какъ межъ снѣжинокъ—льдина,
Жерло могучаго Рубина,
Соткавъ кровавые лучи,
Окружность Солнца-Исполина
Взметнуло въ вышній небосклонъ,
И Хаосъ древній былъ пронзенъ,—
Тогда, какъ рушашіе громы,
Бросая миллионный слѣдъ,
Качали новыя хоромы,
Гдѣ длился ливнемъ самоцвѣтъ,
И свѣтъ былъ звукъ, и звукъ былъ свѣтъ,—
Тогда, Тебя, кого люблю я,

Съ кѣмъ Я мое—навѣкъ сплелось,
 Взнести хотѣлъ бы на утесъ,
 Въ струяхъ разметанныхъ волосъ,
 Яря, качая, и волнуя,
 Тебя, касаньемъ поцѣлуя,
 Сгорая, сжегъ бы въ блескѣ грозъ.

ДВА ВѢНКА.

То два вѣнка, то два цвѣтка, округлые вѣнцы—
 Двѣ груди юныя ея, ихъ нѣжные концы.

На каждой груди молодой, тотъ кончикъ—цвѣтъ цвѣтка,
 Тѣ два цвѣтка, тѣ два вѣнка достойны жить вѣка.

И такъ какъ бѣгъ столѣтій намъ Искусствомъ только данъ,
 И такъ какъ блескъ столѣтій данъ тому, кто чувствомъ
 пьянъ,—

Тебя я замыкаю въ стихъ, пѣвучая моя,
 Двухъ зорь касаясь молодыхъ, ихъ расцвѣчаю я.

И каждый кончикъ лепестка, мой поцѣлуй принявъ,
 Нѣжныѣ въ цвѣтъ заревомъ, какъ свѣтъ расцвѣтшихъ травъ.

И безупречный алѣбастръ дѣвическихъ грудей
 То двѣ лампы свѣтятъ мнѣ на празднествѣ страстей.

Какъ кость слоновая—животъ, и, торжество стиха,
 Уводитъ грезу нѣжный гротъ, укрытый дымкой мха.

КАКЪ НОЧЬ.

Она пришла ко мнѣ молчащая какъ Ночь,
 Глядящая какъ Ночь фіалками-очами,
 Гдѣ росы кроткія звѣздились лучами,
 Она пришла ко мнѣ такая же точь-въ-точь,
 Какъ тиховѣйная, какъ вкрадчивая Ночь.

Ея единый взглядъ проникъ до глуби тайной,
 Гдѣ въ зеркалѣ нѣмомъ—мое другое я,
 И я—какъ ликъ ея, она—какъ тѣнь моя,
 Мы молча смотримся въ затонъ необычайный,
 Горящій звѣздностью, бездонностью, и тайной.

ЗВѢЗДНАЯ ГРАМАТА.

Я дамъ тебѣ звѣздную грамату,
 Дорогою сдѣлаю радугу,
 Надъ пропастью дней многогранною
 Твой теремъ высоко внесу.
 И зори, со звѣздами дружныя,
 И зори разсвѣтовъ жемчужныя,
 Протянуть свою полосу.

Ты будешь во снѣ многосладостномъ,
 Душистомъ какъ нѣжныя ландыши,
 Сквозистомъ какъ лѣсъ многолиственный,
 Росистомъ какъ ласковый лугъ.
 Ты будешь въ сляньи и въ пѣніи,
 Мы будемъ въ безсмертномъ мгновеніи,
 Съ лицомъ, обращеннымъ на Югъ.

ИЗЪ ВИХРЯ.

Въ Безднѣ задуманный, въ Небѣ зачатый,
 Взявшій для глазъ своихъ Солнце съ Луной,
 Скрывшій въ себѣ грозовые раскаты,
 Лдяные срывы и влагу и зной,
 Знавшій огней вѣковые набаты,
 Праздникъ разлитья созвѣздій и рѣкъ,
 Страстью ужаленный, Бездной зачатый,
 Я—Человѣкъ.

КОНИ БУРЬ.

Ржали громы по лазури,
 Разоржались кони бурь,
 И дождавшись громкой бури,
 Разрумянили лазурь.

Громы, рдѣя, разрывали
 Крѣпость мраковъ, черный кругъ,
 Въ радость радуги играли,
 Воздвигали рдяность дугъ.

Завершивъ свой подвигъ трудный,
 Ливень струй освободивъ,
 Міръ растений изумрудный
 Весь прикрыли мглою гривъ.

И промчались въ небѣ взрытомъ,
 Арку радуги дождли,
 И ушли, гремя копытомъ,
 Чу, послѣдній громъ вдали.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Изъ книги „Сборникъ стихотвореній“.	
Струя.	3
Изъ книги „Подъ Сѣвернымъ Небомъ“.	
Фантазія.	7
Зачѣмъ.	9
Чайка.	10
Безъ улыбки, безъ словъ.	11
Два голоса.	12
Смерть, убаюкай меня.	13
Изъ книги „Въ Безбрежности“.	
Уходящія тѣни.	17
Все мнѣ грезится.	18
Ковыль.	19
Камыши.	20
Подводныя растенья.	21
Слова любви.	22
Непоправимое.	23
За предѣлы предѣльнаго.	24

	Стр.
Изъ книги „Тишина“.	
Тишина.	27
Мнѣ странно видѣть.	28
Цвѣты нарцисса.	29
Я вольный вѣтеръ.	30
До послѣдняго дня.	31
Кому я молюсь.	32
Мертвые корабли.	33

Изъ книги „Горящія Зданія“.

Аромать Солнца.	41
Какъ Испанецъ.	43
Далекій слѣдъ.	44
Въ глухіе дни.	45
Подъ ярмомъ.	47
И плыли они.	48
Уроды.	50
Въ душахъ есть все.	51
Закатные цвѣты.	52
Майя.	53
Какъ красный цвѣтъ небесъ.	55
Просвѣтленный.	56
Альбатрость.	57
Крикъ часового.	58

Изъ книги „Будемъ какъ Солнце“.

Я въ этотъ міръ пришелъ.	61
Для всѣхъ и ничей.	62
Гармонія словъ.	63
Вліяніе Луны.	64

	Стр.
Дождь.	66
Влага.	68
Въ моемъ саду.	69
Хочу.	70
Она отдалась безъ упрека.	71
Еще необходимо любить и убивать.	72
Голосъ заката.	73
Гимнъ Огню.	75
Безумный часовщикъ.	80
Освобожденіе.	83

Изъ книги „Только Любовь“.

Солнечный лучъ.	89
Я не знаю мудрости.	90
Снѣжинка.	91
Возвращеніе.	93
Золотая рыбка.	94
Ты мнѣ была сестрой.	96
Прозвенить ли вдали колокольчикъ.	97
Безглагольность.	98
Когда я былъ мальчикомъ.	99
Къ Ночи.	100
У Моря ночью.	102
Старый домъ.	103
Гимнъ Солнцу.	105

Изъ книги „Литургія Красоты“.

И нѣтъ предѣловъ.	117
Изъ поэмы „Фата-Моргана“.	118
Предразсвѣтно-лепестковый.	118.
Золотистый.	119.

	Стр.
Нѣжно-лиловый.	120
Опалово-зимній.	121
Отзвуки благовѣста.	122
Богъ Океанъ.	123
Не обвиняй.	124
Безвременье.	125
„Рах hominibus bonae voluntatis“.	126
Изъ поэмы „Огонь“.	127
Огонь приходитъ съ высоты.	127
Изъ поэмы „Земля“.	131
Странный мѣръ противорѣчья.	131
Мѣрно, размѣрно.	133

Изъ книги „Фейныя сказки“.

Прогулка Феи.	137
Безпорядки у Феи.	139
Фея въ гнѣвѣ.	141
Три песчинки.	143
Шелковинка.	144
Снѣжинки.	145

Изъ книги „Злыя чары“.

Свѣтъ вечерній.	149
Полночный часъ	150
Оргія жизни.	151
Змѣйные валы.	152
Не знаю.	153
Тринадцать Сестеръ.	154
Святой Георгій.	157
Близъ Синяго Камня.	158

	Стр.
Зоря-Зоряница.	159
Драконить.	161
Заклинательница грозъ.	163

Изъ книги „Жарь-Птица“.

Заговоръ на зеленую доброву.	167
Заговоръ на тридцать три тоски.	168
Жернова.	170
Трава-Костерь.	172
Глубинная Книга.	174
Перунъ.	177
Ярило.	178
Богиня Громовница.	180
Руевить.	181
Царь Огненный Щить.	182
Велесь.	183
Лѣсъ.	185
Сова.	188

Изъ книги „Птицы въ Воздухѣ“.

Стихъ вѣнчальный.	193
Хвалите.	194
Хмѣльное Солнце.	195
Долины сна.	196
Съ высокой башни.	197
Звукъ изъ таинствъ.	198
Облачная лѣстница.	199
Заклинаніе Воды и Огня.	200
Три коня.	201
Усни.	203

Изумрудная птица.	Стр.	204
Золото-Море.		206
Переброшенные звенья.		208
Гребецъ.		209

Изъ книги „Зеленый Вертоградъ“.

Кормщикъ.	213
Божій храмъ.	214
Улети.	215
Для сестры.	217
Отчего.	218
Радуйся.	219
Раскрытые улья.	220
Погоня.	221
Радѣніе.	222
Въ тайной горницѣ.	224
Хороводъ.	226
Пляска двухъ.	227
Божіи плотники.	228
Звѣдозаконники.	230
Трубачи.	231
Нетлѣнное.	232
Звѣздоликій.	233
Осанна.	234

Изъ книги „Хороводъ Временъ“.

Для чего?	237
Лунный камень.	238
Египеть.	239
Ландыши.	240
Ау.	242

Изъ поэмы „Тринадцать Лунъ“.	Стр.	243
Юнь.		243
Ноябрь.		244
По Блѣдной Долинѣ.		245
Вѣдогонь.		247
Бѣлый Лебедь.		248

Изъ книги „Зарево Зорь“.

Агни.	257
Героглифы звѣздъ.	258
Остріе.	259
Тоска степей.	260
Звѣзда Вечерняя.	261
Псаломъ ночной.	263
Послѣдняя заря.	264
Не въ эти дни.	265
Два вѣнка.	267
Какъ Ночь.	268
Звѣздная грамата.	269
Изъ вихря.	270
Кони бурь.	271

КАТАЛОГИ

КНИГОИЗДАТЕЛСТВЪ

„Скорпіонъ“, „Мусагетъ“ и „Альціона“

КАТАЛОГЪ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
«СКОРПИОНЪ»

I. СТИХИ.

- Ю. Балтрушайтисъ. Земныя Ступени. Элегія.
М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- Ю. Балтрушайтисъ. Горная Тропа. Вторая книга
стиховъ. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- К. Д. Бальмонтъ. Полное собраніе стиховъ.
Томъ III. (Будемъ какъ Солнце). Изд. 4-е.
М. 1912. Ц. 2 р.
- Томъ IV. (Только Любовь). Изд. 3-е. М. 1913.
Ц. 1 р. 50 к.
- Томъ V. (Литургія Красоты). Изд. 2-е. М.
1911. Ц. 1 р. 50 к.
- Томъ VI. (Фейныя Сказки. Злыя Чары).
Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- Томъ VII. (Жарь-Птица). Фронтисписъ К.
Сомова (хромолитографія). М. 1907. Ц. 2 р.
- Томъ VIII. (Зеленый Вертоградъ). Изд. 2-е.
М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- Томъ IX. (Птицы въ воздухѣ). Изд. 2-е. М.
1912. Ц. 1 р. 50 к.
- Томъ X. (Хороводъ Времень). М. 1909. Ц. 1 р.
20 к.
- Н. Д. Бальмонтъ. Избранные стихи. 1890—1912. М. 1912.
Ц. 1 р.
- Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Собраніе
стиховъ 1892—1909 гг.

- Валерій Брюсовъ.** Томъ I. Стихи 1892—1909 гг. (Chefs d'œuvre. Me eum esse. Tertia Vigilia). Вторая тысяча. М. 1908. Ц. 2 р.
- Томъ II. Стихи 1902—1906 гг. (Urbi et Orbi, Stephanos). Вторая тысяча. М. 1908. Ц. 2 р.
- Томъ III. Стихи 1907—1909 гг. (Всѣ Напѣвы). Вторая тысяча. М. 1909. Ц. 2 р.
- Валерій Брюсовъ.** Зеркало Тѣней. Стихи 1909—1912 гг. Обложка Д. Митрохина. М. 1912. Ц. 2 р.
- Ив. Бунинъ.** Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)
- Андрей Бѣлый.** Золото въ Лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904. Ц. 2 р.
- Поль Верленъ.** Собраніе стиховъ. Въ переводѣ Валерія Брюсова. Съ біографическимъ очеркомъ и 6 портретами. М. 1911. Ц. 2 р.
- Юрій Верховскій.** Разныя стихотворенія. М. 1908. Ц. 80 к.
- З. Н. Гиппиусъ.** Собраніе стиховъ. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.
- Вячеславъ Ивановъ.** Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.
- Вячеславъ Ивановъ.** Cor Ardens. Томъ I. (Cor Ardens. Speculum Speculorum. Эросъ. Золотыя Завѣсы). Фронтисписъ К. Сомова (хромолитографія). М. 1911. Ц. 2 р. 40 к.
- Cor Ardens. Томъ II. (Любовь и Смерть. Rosarium). М. 1912. Ц. 2 р. Для имѣющихъ I томъ—1 р. 10 к. (Оба тома вмѣстѣ 3 р. 50 к.)
- М. Кузминъ.** Сѣти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- М. Кузминъ.** Осеннія Озера. Вторая книга стиховъ. Обложка работы С. Судейкина. М. 1912. Ц. 1 р. 80 к.

- Ив. Коневской.** Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій съ портретомъ автора и двумя очерками о его жизни и творчествѣ. Ред. Валерія Брюсова. М. 1904. Ц. 1 р. (вм. 2 р.).
- Николай Морозовъ.** Звѣздный пѣсни. Съ портретомъ автора и 2 картами звѣзднаго неба. Обложка М. Соломонова. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Стихи Нелли.** Съ посвященіемъ Валерія Брюсова. М. 1913. Ц. 60 к.
- Федоръ Сологубъ.** Собраніе стиховъ. М. 1904. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.).
- Оскаръ Уайльдъ.** Тюремная баллада. Переводъ К. Д. Бальмонта. Обложка М. Дурнова. М. 1904. Ц. 50 к.
- Уольфъ Уитманъ.** Побѣги травы. Пер. К. Д. Бальмонта. М. 1911. Ц. 1 р. 90 к.

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

- Валерій Брюсовъ.** Земная Ось. Разказы и драматическія сцены. 2-ое дополненное изд. Иллюстраціи и обложка Альберто Мартини (фототипія). М. 1910. Ц. 2 р. 20 к.
- Валерій Брюсовъ.** Ночи и дни. Вторая книга разсказовъ и драматическихъ сценъ. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- Валерій Брюсовъ.** Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ нѣмецкой жизни XVI в. Изд. 2-е, дополненное примѣчаніями. Украшенія по гравюрамъ XVI в. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Андрей Бѣлый.** Кубокъ метелей. 4-я симфонія. Обложка А. Федотова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Кнутъ Гамсунъ.** Съеста. Очерки и разказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

- М. Кузминъ.** Первая книга рассказовъ. (Приключенія Эме Лебефа. Письма Клары Вальмонъ. Тѣнь Филлиды. Флоръ и разбойникъ. Рѣшеніе Анны Мейеръ. Кухетка теги Сони. Крылья). Обложка по изданію XVIII в. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- М. Кузминъ.** Вторая книга рассказовъ (Подвиги Великаго Александра. Повѣсть объ Елевсиппѣ. Нѣжный Иосифъ). Обложка по изданію XVIII в. М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.
- М. Кузминъ.** Третья книга рассказовъ. (Путешествіе сэра Джона Фирфакса. Повѣсть о Ксанѣ. „Высокое искусство“. Ночайный провантъ. Опасный стражъ. Ванина родинка. Мечтатели.) М. 1913. Ц. 1 р. 80 к.
- Жагадистъ.** Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1905. Ц. 40 к. (вм. 65 к.).
- Эдгаръ По.** Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта.
Томъ I. Поэмы, сказки. Изд. 3-е. М. 1912. Ц. 2 р. 20 к.
Томъ II. Рассказы, статьи афоризмы. Изд. 3-е. М. 1913. Ц. 2 р. 20 к.
Томъ III. Страшные рассказы, гротески. М. 1911. Ц. 2 р.
Томъ IV. Необычайныя приключенія. М. 1912. Ц. 2 р.
Томъ V. Эврика. Письма. Біографія. М. 1912. Ц. 2 р.
- Ст. Пшибышевскій.** Собраніе сочиненій.
Книга II. Pro domo mea. De profundis. У Моря. Сыны Земли (романъ въ 3 частяхъ) и др. Переводъ М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова. Обложка Е. Надельмана. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к. (вм. 2 р. 40 к.).
Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч.

Обложка Н. Теофилактова. М. 1906. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 30 к.)

Книга IV. Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Переводъ М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906. Ц. 60 к. (вм. 1 р.).

- Ст. Пшибышевскій.** Сыны Земли. Романъ. Переводъ Е. Троповскаго. М. 1905. Ц. 20 к. (вм. 50 к.)
- Федоръ Сологубъ.** Жало Смерти. Рассказы. М. 1905. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.).

III. ДРАМЫ.

- Эмиль Верхарнъ.** Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна. М. 1909. Ц. 80 к.
- Кнутъ Гамсунъ.** Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1909. Ц. 30 к. (вм. 50 к.).
- Зигмунтъ Красинскій.** Небожественная комедія. Пер. А. Курсинскаго. Изд. 2-е. Съ портретомъ З. Красинскаго. М. 1906. Ц. 30 к. (вм. 60 к.).
- Л. Зиновьева-Аннибалъ.** Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вяч. Иванова. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904. Ц. 1 р. 80 к.
- Шарль ванъ-Лербергъ.** Панъ. Они почували. М-лле Коси-Съно. Сказки. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстраціями Н. Теофилактова. М. 1903. Ц. 1 р.
- Шарль ванъ-Лербергъ.** Они почували. М-лле Коси-Съно. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к.
- Морисъ Матерлиннъ.** Стихи. Пеллеасъ и Мелизанда. Переводъ Валерія Брюсова. Съ 3

портретами М. Мэтерлинка и статьей о его жизни и творчествѣ. М. 1905. Ц. 1 р.

Ст. Пишбышевскій. Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. Обложка Брунеллески. М. 1907. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Оскаръ Уайльдъ. Флорентинская Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) М. Ликиардопуло и А. Курсинскаго. Съ 3 портретами О. Уайльда. М. 1907. Ц. 80 к.

Артуръ Шницлеръ. Зеленый попугай. Трилогія. („Парацельсъ“, „Подруга“, „Зеленый попугай“.) Перев. съ нѣмецкаго. М. 1900. Ц. 30 к. (вм. 60 к.)

IV. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ, ПУТЕШЕСТВІЯ И Т. Д.

К. Д. Бальмонтъ. Змѣиные цвѣты. Путевыя письма изъ Мексики. Съ 43 рис. М. 1910. Ц. 3 р. То же — безъ рисунковъ. Ц. 2 р.

Обри Бердслей. Содержаніе: Робертъ Россъ. Обри Бердслей. Монографія. — Артуръ Симонсъ. Обри Бердслей. Монографія. — Обри Бердслей. Венера и Тангейзеръ. Романтическая новелла. — Обри Бердслей. Стихи. Застольная болтовня. — Избранныя мѣста изъ писемъ. — Подробная иконографія и библиографія. — Примѣчанія. — Портреты, автопортреты, карикатуры. — Воспроизведенія рисунковъ (около 40) О. Бердслея черныхъ и въ краскахъ. Авторизованный переводъ съ англійскаго М. Ликиардопуло. М. 1912. Ц. 3 руб.

Н. Брюсова. Временное и пространственное строеніе формы. М. 1911. Ц. 40 к.

Валерій Брюсовъ. Лицейскіе стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. М. 1907. Ц. 1 р.

Валерій Брюсовъ. Далекіе и близкіе. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней. М. 1912. Ц. 2 р.

Валерій Брюсовъ. За моимъ окномъ. Изъ воспоминаній, М. 1913. Ц. 50 к.

В. Ландсбергъ. Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго М. Семенова. М. 1902. Ц. 40 к. (вм. 70 к.)

Н. Лернеръ. Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. М. 1903. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле рисунковъ и рукописей А. Пушкина. М. 1903. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.)

Артуръ Рансомъ. Оскаръ Уайльдъ. Характеристика. Авторизованный переводъ съ рукописи М. Ликиардопуло. Съ предисловіемъ для русскаго изданія Роберта Росса и съ неизданнымъ портретомъ О. Уайльда. (Печатается.)

V. АЛЬМАНАХИ.

Сѣверные цвѣты на 1901 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1901. Ц. 60 к. (вм. 1 р. 50 к.)

Сѣверные цвѣты на 1902 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902. Ц. 80 к. (вм. 2 р.)

Сѣверные цвѣты. Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 гг. Большой томъ свыше 600 стр. Стихи, рассказы, статьи К. Д. Бальмонта, Валерія Брюсова, З. Гиппиусъ, М. Лохвицкой, Д. Мережковскаго, Н. Минскаго, В. Розанова, К. Случевского, К. Фофанова, А. Чехова и др. Письма: А. С. Пушкина, Ф. Тютчева, И. С. Тургенева, А. Фета, Вл. Соловьева, Н. Некра-

сова и др. Виньетки и заставки К. Сомова, Л. Бакста, М. Волошина и др. Обложка В. Борисова-Мусатова. М. 1904. Ц. 3 р.

Съверные цвѣты Ассирійскіе на 1904 — 5 гг. Роскошное изданіе. Содержаніе: „Три расцвѣта“, драма, К. Д. Бальмонта. „Земля“, сцены изъ будущихъ временъ Валерія Брюсова. „Танталъ“, трагедія Вяч. Иванова. Стихи и рассказы С. Соловьева, Макса Волошина, Ѳ. Сологуба, Н. Минскаго, З. Гиппіусъ, М. Криницкаго, Ю. Череды, Л. Зиновьевой-Аннибалъ и др. Обложка и всѣ украшенія Н. Ѳеофилактова. М. 1905. Ц. 3 р.

Съверные цвѣты на 1911 годъ. Содержаніе: „Забытыя сокровища“, очеркъ К. Бальмонта, „Голландка Лиза“, комедія М. Кузмина, „Подъ Павловымъ щитомъ“, рассказъ Б. Садовскаго, „Аполлонъ и мышь“, статья М. Волошина, „Шумъ смерти“, рассказъ З. Гиппіусъ, „Подземное жилище“, поэма Валерія Брюсова, „Семь земныхъ соблазновъ“, главы изъ романа Валерія Брюсова, стихи З. Гиппіусъ, Ю. Балтрушайтиса, Н. Гумилева, Д. Навашина, Валерія Брюсова. Обложка К. Сомова. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

VI. АЛЬБОМЪ.

Н. Ѳеофилактовъ. 66 рисунковъ (исполненныхъ фототипіей, одноцвѣтной и многоцвѣтной авто-типіей). М. 1908. Ц. 3 р.

VII. МУЗЫКА.

Куранты Любви. Слова и музыка М. Кузмина. 30 стр. текста+70 стр. нотъ. Восемь рисун-

ковъ (во всю страницу) С. Судейкина и Н. Ѳеофилактова (фототипіи и литографіи). М. 1910. Ц. 3 р.

VIII. „ВЪСАХ“.

Ежемѣсячникъ искусствъ и литературы. Шесть лѣтъ изданія (1904—1909): 72 №№, свыше 7000 страницъ текста большого формата съ рисунками (черными и въ краскахъ), заставками и концовками извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Въ „Въсахъ“ напечатаны стихи, повѣсти, рассказы, драмы, статьи, письма, воспоминанія русскихъ и иностранныхъ писателей, Ренэ Аркоса, С. Ауслендера, Ю. Балтрушайтиса, К. Д. Бальмонта, Е. Баратынскаго, О. Бердетта, А. Блока, Валерія Брюсова, Андрея Вѣлаго, М. Волошина, Эмиля Верхарна, З. Гиппіусъ, Ренэ Гиля, Ж. де Гурмона, С. Городецкаго, В. Гофмана, Н. Гумилева, И. Грабаря, В. Жуковскаго, Вяч. Иванова, В. Каллаша, М. Кальвокоресси, Антона Крайняго, А. Кондратлева, М. Кузмина, Н. Лернера, М. Ликиардопуло, Д. Мережковскаго-В. Морфила, Н. Минскаго, Дж. Папини, С. Полякова, А. С. Пушкина, Ст. Пшибышевскаго, А. Ремизова, В. Розанова, Р. Росса, И. Рукавишника, Б. Садовскаго, Вл. Соловьева-С. Соловьева, Ѳ. Сологуба, Е. Тарасова, гр. А. Н. Толстого, Оскара Уайльда, К. Чуковскаго, Г. Чулкова, Эллиса, П. Эттингера и мн. др. Въ „Въсахъ“, воспроизведены (въ одну и нѣсколько красокъ), картины, рисунки, заставки и концовки слѣдующихъ художниковъ: А. Арапова, Л. Бакста, В. Борисова-Мусатова, М. Врубеля, В. Дриттенрейса, О.

Гиліа, К. Вальзера, А. де Каролисъ, Р. Костетти, Фр. Кристофа, Н. Крымова, М. Ларионова, И. Левитана, Павла Кузнецова, А. Мартини, В. Милиоти, Л. Пастернака, О. Редона, Н. Рериха, Т. ванъ Риссельберга, А. Рувейра, Н. Сапунова, К. Сомова, Т. Стерждь-Мура, С. Судейкина, М. Шестеркина, Фидуса, К. Юона, Г. Якулова, Н. Теофилактова и мн. др.

Значительная часть матеріала, обнародованнаго въ „Вѣсахъ“, нигдѣ не перепечатана.

Цѣна полнаго комплекта „Вѣсовъ“ за всѣ шесть лѣтъ изданія—40 руб. безъ пересылки. Отдѣльные годовые комплекты: 1904, 1905 и 1906 — по 6 руб. безъ пересылки, 1908, 1909—по 7 руб. безъ пересылки. Комплектъ за 1904, 1905, 1906, 1908 и 1909 гг. (безъ 1907 г.)—7 руб., безъ пересылки; 1907 г. отдѣльно не продается. Пересылка по дѣйствительной стоимости. Издательство сохраняетъ за собою право повысить указанные цѣны по мѣрѣ израсходованія комплектовъ.

Всѣ, выписывающіе непосредственно изъ склада, пользуются пересылкой за счетъ книгоиздательства, за исключеніемъ тѣхъ изданій, на которыя цѣна понижена и 2-й части „Cor Ardens“ Вячеслава Иванова, получаемой по талону. Деньги, причитающіяся за заказываемыя изданія, просятъ высылать впередъ—при заказѣ. При выпискѣ наложеннымъ платежомъ расходы по наложенію платежа принимаютъ на себя гг. заказчики.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпионъ“: Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23 (телефонъ 50-89). Изданія к-ва „Скорпионъ“ можно также получать въ книжномъ складѣ „Комиссіонеръ“, Петербургъ, Садовая, 18.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

«МУСАГЕТЪ».

Москва, Пречистенскій бульв.,
д. 31, кв. 9.

- Андрей Бѣлый. Символизмъ. Книга статей. М. 1910. Ц. 3 р.
- Андрей Бѣлый. Арабески. Книга статей. М. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
- Андрей Бѣлый. Трагедія творчества. (Достоевскій и Толстой). М. 1912. Ц. 40 к.
- Вячеславъ Ивановъ. Эллинская религія страдающаго Бога. Опытъ религіозно-исторической характеристики. (Печатается).
- Вячеславъ Ивановъ. Борозды и межи. Вторая книга статей. (Готовится.)
- Вольфингъ. Модернизмъ и музыка. Книга статей. М. 1911. Ц. 2 р.
- Элисъ. Русскіе символисты. М. 1910. Ц. 2 р.
- Борисъ Садовской. Русская Камена. Книга статей. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- С. Дурыйминъ. Рихардъ Вагнеръ и Россія. М. 1913.
- Леонардо да Винчи. Трактатъ о живописи. Переводъ и вступительная статья М. С. Сергѣева. (Готовится.)
- Гете. Театральное призваніе Вильгельма Мейстера. (Wilhelm Meisters Teatralische Sendung). Переводъ первоначальной ре-

- дакціи романа „Ученическіе годы Вильгельма Мейстера“, найденной въ 1910 году въ рукописяхъ Шульцгеса. Предисловіе перваго издателя Гарри Мейнка. Приложение: I. Сводъ отзывовъ Гете о своемъ романѣ. II. Выдержки изъ писемъ Шиллера о „Вильгельмѣ Мейстерѣ“. (Готовится.)
- Адольфъ Гильдебрантъ.** Проблема формы въ изобразительныхъ искусствахъ. Переводъ подъ ред. Г. А. Рачинскаго. (Печатается.)
- Хаустонъ Стюартъ Чемберленъ.** Аріійское міросозерцаніе. (Печатается.)
- Жозефъ Орсье.** Агриппа Неттесгеймскій. Критико-біографическій очеркъ. Переводъ подъ редакціей и съ дополненіями Валерія Брюсова. Съ портретомъ. (Печатается.)
- Павлинь изъ Пелы.** Эвхаристиконъ Богу. Авторіографія неудачника V вѣка. Переводъ въ стихахъ размѣромъ подлинника Валерія Брюсова. (Готовится.)
- Провансальскіе лирики XII и XIII вѣковъ.** Переводъ Н. П. Киселева. Т. I. Переводы. Т. II. Комментарии. (Готовится.)
- Иполитъ Тэнъ.** Наполеонъ Бонапартъ. Переводъ О. К. Синцовой. Съ портретомъ. М. 1912. Ц. 80 к.
- Фридрихъ Шлегель.** Люцинда. Съ приложеніемъ писемъ Шлейермахера. Переводъ и вступительная статья Ѳ. А. Степцуна (Готовится.)
- Пауль Дейссенъ.** Веданта и Платонъ въ свѣтѣ Кантовой философіи. Пер. Мих. Сизова. М. 1911. Ц. 40 к.
- Шарль Бодляръ.** Стихотворенія въ прозѣ. Переводъ Элліса М. 1910. Ц. 1 р.
- Антологія.** Книга стиховъ. Москва. 1911. Ц. 2 р.

- Александръ Блокъ.** Собраніе стихотвореній въ трехъ книгахъ.
Книга первая. Стихи о Прекрасной Дамѣ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. М. 1911. Ц. 2 р.
Книга вторая. Нечаянная Радость. М. 1912. Ц. 1 р.
Книга третья. Снѣжная Ночь. Изданіе 2-е. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- Александръ Блокъ.** Ночные Часы. Четвертый сборникъ стиховъ 1908—1910. М. 1911. Ц. 1 р.
- З. Н. Гиппиусъ.** Собраніе стиховъ. Книга вторая. М. 1910. Ц. 1 р.
- Сергій Соловьевъ.** Апрельъ. Книга стиховъ. М. 1910. Ц. 2 р.
- Сергій Соловьевъ.** Цвѣтникъ царевны. Третья книга стиховъ. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- Эллисъ.** Stigmata. Книга стиховъ. М. 1911. Ц. 2 р.
- „Логосъ“** Русское изданіе международного ежегодника по философіи культуры. 1910 г. Книга первая. М. 1910. Ц. 2 р.
- „Логосъ“.** Книга вторая. М. 1910. Ц. 2 р.
- „Логосъ“.** 1911 г. Книга первая. М. 1911. Ц. 2 руб.
- „Логосъ“** 1911—12 г. Книга вторая и третья. Ц. 2 р. 50 к.
- „Логосъ“.** Книга первая и вторая 1912—13 г. Ц. 2 р. 50 к.

Изданія «Орфей».

- Яковъ Беме.** Аурогоа или Утренняя Заря въ восхожденіи. Переводъ Алексѣя Петровскаго. (Готовится.)
- Гимны Орфея.** Переводъ Владиміра Нилендера (Готовится.)

- Геранлиъ Ефесойй.** Фрагменты. Переводъ Владимира Нилендера. М. 1910. Ц. 1 р.
- Рэйбрунъ Удивительный.** Одѣяніе духовнаго брака. Вступительная статья Мориса Мэтерлинка. Переводъ Михаила Сизова. М. 1910. Ц. 2 р.
- Рихардъ Вагнеръ.** Парсифаль. Переводъ Элліса. (Готовится).
- Аира Новалиса** въ переложеніи Вячеслава Иванова. (Готовится).
- Мейстеръ Энкартъ.** Проповѣди. Переводъ М. В. Сабашниковой. М. 1912. Ц. 3 р.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

«АЛЬЦІОНА».

Москва, Пречистенскій бульв.,
д. 31, кв. 9.

- Андрей Бѣлый.** Лугъ зеленый. Книга статей. (Лугъ зеленый.—Символизм.—Символизм и современное русское искусство.— Настоящее и будущее русской литературы.—Гоголь.—Чеховъ.—Мережковскій.—Сологубъ.—Брюсовъ.—Бальмонтъ.—Апокалипсисъ въ русской поэзіи). М. 1910. Ц. 1 р.
- З. Н. Гиппиусъ.** Лунные муравьи. Книга рассказовъ. (Лунные муравьи.—Онъ бѣлый.—Женское.—Быль и такой.—Увѣренная—Дверь.—Застѣнный.—Нѣтъ возврата.—Земля и Богъ.—Приказчикъ.—Подслушанныя слова). М. 1912. Ц. 1 р.
- Сергій Клычковъ.** Пѣсни. Печаль-Радость, Лада, Бова. М. 1911. Ц. 75 к.
- М. Кузминъ.** Новый Ролла. Поэма. Иллюстраціи Н. Сапунова. (Готовится).
- Борисъ Садовской.** Узоръ чугунный. Рассказы. (Черты изъ жизни моей.—Двѣ главы изъ неизданныхъ записокъ.—Петербургская ворожея.—Праздничный день поручика Матрадурова.—Погибшій пловецъ.—Сынъ бѣлокамен-

- ной Москвы.—Изъ бумагъ князя Г.) М. 1910. Ц. 1 р.
- Юрій Сидоровъ.** Стихотворенія. Вступительныя статьи А. Бѣлаго, В. Садовскаго, С. Соловьева. Рисунокъ О. П. Михайловой. Украшенія А. А. Арапова. М. 1910. Ц. 1 р.
- Владимиръ Соловьевъ.** Стихотворенія. Изд. 6-е, дополненное. (Печатается).
- Любовь Стоида.** Лада. Пѣсенникъ. Обложка С. Коенкова. Надписи и украшенія А. Арапова. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- М. Шагинянь.** О блаженствѣ и мущаго. (Поэзія З. Н. Гиппиусъ.) М. 1912. Ц. 40 к.
- Владимиръ Эльснеръ.** Выборъ Париса. Первая книга стиховъ М. 1913. Ц. 1 р.
- Владимиръ Эльснеръ.** Пурпуръ Киееры. Эротика. Иллюстраціи, Н. Миліоти, М. Сарьяна, Г. Якулова. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
- Листки изъ утраченнаго альбома.** Елизаветы Николаевны Ушаковой. Факсимильное изданіе рукописи. Стихотворенія А. С. Пушкина, кн. П. А. Вяземскаго, Н. Д. Иванчина-Писарева, кн. П. И. Паликова, А. Башилова, безъ подписи сочинителя, карандашный рисунокъ А. С. Пушкина. (Печатается).
- А. С. Пушкинъ.** Сужденія о всемірной литературѣ, собранныя систематически подъ редакціей и съ присловіемъ Валерія Брюсова. (Готовится).
- Барбэ д'Оревильтъ.** Дендиамъ и Джорджъ Брёммельъ. Вступительная статья М. Кузмина. Переводъ М. А. Петровскаго. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- Поль Верлянь.** Записки вдовца. Вступительная статья Валерія Брюсова. Переводъ С.

- Я. Рубановича. Портретъ Верлена работы Н. Гончаровой. Рисунки Валлотона, П. Верлена, Казальса, Коля и др. М. 1910. Ц. 1 р.
- Рене Гиль.** Научная поэзія. О цѣляхъ и задачахъ искусства. Переводъ Н. Львовой, подъ ред. и съ предисловіемъ Валерія Брюсова. (Печатается).
- Іоаннъ Секундъ.** Поцѣлуй. Переводъ съ латинскаго въ стихахъ Сергѣя Соловьева. (Готовится).
- Маріэтта Шагинянь.** Orientalia. Стихи. М. 1913. Ц. 75 к.
- Э. Т. А. Гофманъ.** Золотой горшокъ. Переводъ и предисловіе Владимира Соловьева. Съ автопортретомъ. М. 1913. Ц. 1 р.
- Юліанъ Анисимовъ.** Обитель. Стихи. М. 1913. Ц. 1 р.
- Н. Львова.** Старая сказка. Первая книга стиховъ. М. 1913. Ц. 1 р.